

Въ родномъ гнѣздѣ.

Лытвинъ рода Бутовскихъ ¹⁾.

VII.

Въ теченіе всей своей жизни, несмотря на разнообразную служебную, а потомъ хозяйственную дѣятельность, мой отецъ не охладѣвалъ къ интеллектуальнымъ интересамъ. Онъ очень много читалъ и, живя въ деревнѣ, въ нашей глухой Пелеховщинѣ, былъ очень хорошо знакомъ со всеми новыми явленіями и въ литературѣ и въ тѣхъ научныхъ областяхъ, которыя его интересовали. Онъ также много писалъ, особенно въ молодости, и если не печаталъ, то потому, что самъ относился къ своимъ произведеніямъ съ большою строгостью. У меня есть свидѣтельство, что люди понимающіе дѣло цѣнили его литературныя работы. Вотъ, что писалъ ему, напримѣръ, въ 1832 г., редакторъ альманаха „Сѣверные цвѣты“, Орестъ Сомовъ: „М. г. Дмитрій Петровичъ! Къ сожалѣнію, письмо ваше и приложенная при немъ повѣсть дошли до меня уже поздно: ибо тогда (въ началѣ декабря) прозаическая часть „Сѣверныхъ цвѣтовъ“ была уже совсѣмъ окончена печатаніемъ, и оставалось допечатывать только половину стихотвореній. Вотъ единственная причина, почему повѣсть ваша, замѣчательная по многимъ отношеніямъ, не вошла въ составъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“. Удерживая оную до вашего отвѣта, я вмѣстѣ съ симъ покорнѣйше прошу вашего позволенія помѣстить оную въ одномъ изъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, октябрь 1916 г.

шести литературныхъ сборниковъ, которые издаю я въ нынѣшнемъ году, для дополненія недоданнаго мною полугодія литературной гаеты. Въ сихъ сборникахъ будутъ также пьесы А. С. Пушкина, кн. Вяземскаго, Языкова, Ѳ. Н. Глинки и прочихъ друзей Русской словесности и ея успѣховъ”...

„Если вамъ угодно будетъ согласиться на мою просьбу, то повѣсть ваша непременно будетъ напечатана въ одной изъ помянутыхъ книжекъ. Первая уже печатается“.

Отецъ мой не далъ разрѣшенія на напечатаніе этой повѣсти въ литературныхъ сборникахъ, и причина тому была такая: сюжетомъ для своей повѣсти онъ взялъ одно романическое приключеніе, о которомъ много говорили въ то время; въ томъ же году были изданы повѣсти Бѣлкина, и одна изъ повѣстей, „Мятель“, была основана какъ разъ на томъ же самомъ происшествіи.

Освоившись съ хозяйствомъ, отецъ помѣщалъ время отъ времени сельско-хозяйственныя статьи въ спеціальныхъ журналахъ. Такова напр. „Ручная книга Новороссійскаго крестьянина“, написанная имъ на задачу, утвержденную Императорскимъ обществомъ сельскаго хозяйства Южной Россіи 22 января 1846 г.

Статьи „написанныя имъ въ 1858 и 1859 г.г., именно: „Статистическія данныя для проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи“ и: „Продажныя цѣны на земли въ Полтавской губерніи“, дали солидный матеріалъ для сужденій о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ 1858 году были учреждены губернскіе комитеты по крестьянскимъ дѣламъ. Отъ cadaго уѣзда въ губернской комитетъ должны были войти предводитель дворянства и два выборныхъ члена изъ дворянъ. Предводителемъ дворянства Кременчугскаго уѣзда былъ въ то время Александръ Александровичъ Остроградскій. Двумя выборными членами отъ нашего уѣзда вошли Василій Семеновичъ Кашисть и мой отецъ.

Отцу было въ то время уже 53 года, но этотъ выборъ былъ для него едва-ли не самымъ значительнымъ событіемъ въ его жизни. Дворяне выбирали членовъ въ эти комитеты съ большою осмотрительностью, крестьянскій вопросъ слишкомъ близко затрогивалъ ихъ интересы, и, если они остановились на моемъ отцѣ, помѣщикъ не богатомъ, никогда не искавшемъ никакихъ выборныхъ должно-

стей, то значить—они видѣли въ немъ человека, замѣтно выдѣлявшагося изъ общаго уровня. Его все знали въ уѣздѣ, и въ данномъ случаѣ положились на его большую хозяйственную опытность, на его способность къ общественнымъ дѣламъ, а главное на его нравственную стойкость.

Для отца это была неожиданность, и со свойственною ему мнительностью въ дѣлахъ совѣсти онъ со страхомъ принялъ это избраніе, но онъ оправдалъ оказанное ему довѣріе.

Комитетъ открылъ свои дѣйствія въ началѣ октября 1858 г., и отецъ мой сразу занялъ въ немъ видное и особенное мѣсто.

Говорю это со словъ дяди Алексѣя Степановича, который, какъ Лубенскій предводитель, тоже былъ членомъ комитета; слышалъ это и отъ другихъ членовъ комитета, съ которыми былъ знакомъ, такъ какъ служилъ въ то время репетиторомъ при Полтавскомъ корпусѣ.

Особое положеніе моего отца въ комитетѣ состояло въ томъ, что онъ былъ человекъ совершенно безпартійный. Онъ не принадлежалъ ни къ крѣпостникамъ, отстаивавшимъ помѣщичьи интересы въ ущербъ крестьянскимъ, ни къ тѣмъ немногимъ въ то время передовымъ людямъ, которые стремились создать новое сословіе на развалинахъ помѣщичьяго благосостоянія. Онъ убѣжденно заботился о согласованіи интересовъ помѣщиковъ и крестьянъ и о равновѣсіи между тѣми выгодами и тѣми неминуемыми обоюдными лишеніями, какія должна была принести съ собою обсуждаемая реформа.

На первыхъ порахъ это, разумѣется, не создало ему популярности въ комитетѣ. Но въ его доводахъ всегда была неопровержимая логика, и онъ умѣлъ убѣдительно излагать свои мысли; этими своими качествами онъ завоевалъ себѣ общее уваженіе, и въ немъ признали, наконецъ, одного изъ самыхъ дѣловыхъ работниковъ въ комитетѣ.

Въ первый разъ послѣ своей женитьбы онъ выѣхалъ на такое продолжительное время изъ своей Пелеховщины; ему предстояло прожить въ Полтавѣ цѣлые шесть мѣсяцевъ; никогда еще не былъ онъ въ такой долгой разлукѣ со своєю женою; правда, въ Полтавѣ было у него въ то время три сына — офицеръ, кадетъ и гимназистъ и дочь (Ольга Дмитриевна) въ институтѣ; это было для него конечно утѣшеніемъ, но дома оставались еще два малень-

кихъ сына и двухлѣтняя дочь; дома оставлялъ онъ наконецъ всѣ свои хозяйственные интересы и свой наслаженный уютный уголь. Естественно, что мысль его постоянно возвращалась къ дому и что онъ ежедневно писалъ длинныя письма къ мамѣ, въ формѣ дневника, и что мама начала отвѣчать ему такими же ежедневными письмами, съ подробными свѣдѣніями о всѣхъ домашнихъ и хозяйственныхъ дѣлахъ. Этотъ интереснѣйшій для меня двойной дневникъ находится теперь въ моемъ распоряженіи. Онъ интересенъ не тѣми свѣдѣніями о рѣшеніяхъ Полтавскаго комитета, которыя отецъ аккуратно въ него заноситъ—это дѣло старое и давно уже пережитое,—а тѣми иногда случайными замѣтками и правдивыми чертами, которыя характеризуютъ отношенія отца къ своимъ сочленамъ и вообще къ губерньскому обществу, его жизнь въ Полтавѣ на одной квартирѣ съ дядею Алексѣемъ Степановичемъ, его любовное отношеніе къ дѣтямъ и проч. О собственныхъ своихъ работахъ въ комитетѣ онъ ничего почти не говоритъ, но изъ нѣсколькихъ, случайно проскальзывающихъ фразъ видно, что онъ много и внимательно работаетъ для комитета.

Беру нѣсколько выдержекъ изъ его дневника.

Вотъ первое его знакомство съ его будущими сотрудниками. „8 октября 1858 г. Сейчасъ отъ (Михаила Павловича) Позена... Къ Позену мы, т. е. я и братъ, пріѣхали въ 3 часа и застали уже всѣхъ его гостей, депутатовъ, всѣхъ насъ было только десять, кромѣ насъ А. А. Остроградскій, Алексѣевъ, Баклановъ, Маркевичъ, Катериничъ, Богдановичъ, но самое замѣчательное лицо, это извѣстный поэтъ Василій Туманскій, съ прекрасною, доброю, умною физиономіею, старичокъ лѣтъ за 60, въ парикъ, который впрочемъ много скрываетъ его лѣта. По пріѣздѣ, черезъ $\frac{1}{4}$ часа, пошли въ столовую... Общество отличное: пріятно и весело было быть въ кругу столькихъ умныхъ людей, но до стола и за столомъ ни слова объ эмансипаціи; послѣ кофе... завелъ кто-то разговоръ объ эмансипаціи, и разговоръ этотъ уже не прерывался до нашего отъѣзда. Позенъ читалъ намъ свой проектъ, имъ написанный, въ опроверженіе устройства начальниковъ уѣзда, становыхъ исправниковъ и волостей... Проектъ написанъ умно, основательно и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Завтра открывается комитетъ“.

На слѣдующій день онъ описываетъ торжественное от-

крытіе занятій комитета. Около полудня въ домъ дворянскаго собранія прибыли всѣ члены комитета, съ губернскимъ предводителемъ дворянства княземъ Львомъ Викторовичемъ Кочубеемъ во главѣ. Приѣхалъ губернаторъ и рѣчью открылъ комитетъ; „вслѣдъ за тѣмъ изъ боковой комнаты вышелъ архіерей (Наевнаилъ, епископъ полтавскій) во всемъ облаченіи со многими священствомъ, причтомъ и пѣвчими, въ форменныхъ голубыхъ съ золотыми кистями и позументами стлзяхъ, начался молебенъ о благополучномъ успѣхѣ предстоящаго великаго дѣла; всѣ стали на колѣни, послѣ многолѣтія царской фамиліи и полтавскому благородному боярству, архіерей каждому изъ насъ далъ поцѣловать крестъ, окропилъ каждаго святою водою, потомъ окропилъ залу, возвратившись на свое мѣсто, сказалъ рѣчь. Рѣчь мнѣ и многимъ не понравилась, видво, что архіерей не дворянинъ, и не знаетъ или не хочетъ знать, что были до сихъ поръ дворяне. Сколько могу припомнить, онъ говорилъ: „Вамъ предстоитъ *смыть пятно* съ вашихъ прародителей, съ вашихъ дѣдовъ и отцовъ и съ себя самихъ. Вамъ предстоитъ возстановить правду и воздать должное людямъ, которые неправо, не по праву зависѣли отъ произвола вашихъ предковъ“, и прочее въ этомъ родѣ, заключилъ рѣчь хорошо, но удивляюсь, какъ умный человекъ могъ такъ не знать прежнихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ.

Кочубей боленъ, говорятъ, каменною болѣзнію, онъ ужасно измѣнился и похудалъ, кажется, онъ не думаетъ долго быть предсѣдателемъ комитета, и тѣмъ болѣе, что предложилъ намъ завтра въ засѣданіи избрать вице-предсѣдателя. Кто-то будетъ избранъ, поговариваемъ и о Позенѣ, и о Туманскомъ, и о Бѣлухѣ, промелькнуло слово и объ Остроградскомъ. Завтра узнаемъ“.

Съ первыхъ дней уже отецъ мой становится человекомъ замѣтнымъ; съ его взглядами считаются и у него образовывается кружокъ знакомыхъ.

11 октября. „Сейчасъ изъ института. Оля здорова, весела, свѣжа и съ бантикомъ... Въ институтѣ видѣлъ князя Голицына, члена комитета. Сегодня онъ былъ у насъ часа три раньше, и первый подалъ мнѣ руку, говоря „здравствуйте, мой антагонистъ“. Надобно сказать тебѣ, что вчера въ комитетѣ я оспаривалъ нѣкоторыя его предложенія, и многіе со мною согласились“.

30 октября. „...Пришелъ Кирьяковъ (Григорій Степано-

вичъ) ¹⁾ разговаривались, было очень весело. Кирьяковъ такъ умѣетъ поразсказать кое что; мы смѣялись, слышимъ: въ передней кто-то спрашиваетъ: дома ли Алексѣй Степановичъ? и входитъ генераль-лейтенантъ Ушаковъ, онъ сегодня прѣѣхалъ, нигдѣ не былъ и первый визитъ сдѣлалъ брату ²⁾. Поговорили о завтрашнемъ засѣданіи. Ушаковъ того мнѣнія, что можно покончить комитетскія занятія мѣсяца въ три... Пошли разсужденія, предположенія... Ушаковъ просидѣлъ еще съ часъ, говорили о многомъ. Я прочиталъ Ушакову мнѣвіе князя Меншикова, Ушаковъ сказалъ, что и онъ написалъ въ этомъ родѣ статью, но гораздо пространнѣе и обѣщалъ доставить ее мнѣ; обѣщалъ также доставить мнѣ мнѣвіе о подобномъ предметѣ исторіографа Карамзина, написанное еще въ 1808 г. для императора Александра I, когда Александръ имѣлъ мысль приступить къ подобной реформѣ. Ушаковъ ушелъ, Кирьяковъ еще оставался до 11 часовъ и много поразсказалъ анекдотовъ о Горленковыхъ, Жеваховѣ, Катериничѣ и проч. и проч. мы смѣялись до умору“.

2 ноября. „...Я собирался послѣ чаю идти къ Кирьякову, но онъ самъ пришелъ къ намъ и по обыкновенію оживилъ нашу бесѣду, какой онъ любезный, какой ловкій, острый человекъ. Только-что мы вдоволь разсмѣялись отъ его неистощимыхъ разсказовъ, вошелъ генераль Ушаковъ разговоръ склонился на прошлую войну; Ушаковъ пишетъ ея исторію и написалъ уже тома два. Часа два мы поговорили съ нимъ, и онъ разсказалъ и вполне объяснилъ разныя обстоятельства прошедшей войны. Его исторія еще не печаталась, нельзя. Онъ оставить ее, сказалъ онъ, своей дочери, чтобы надала, когда будетъ можно. лѣтъ черезъ тридцать. Между прочимъ онъ спросилъ меня, не родня ли мнѣ юнкеръ Бутовскій, юнкеръ 1805 г., который такъ прекрасно описалъ войну тѣхъ лѣтъ, который конечно обезсмертилъ свое имя тѣмъ, что пополнилъ и такъ удачно пополнилъ пробѣлъ русской исторіи. Много мы говорили о моемъ почтеннѣйшемъ дядюшкѣ ³⁾, поразсказалъ я о его занятіяхъ, мнѣ извѣстныхъ, и Ушаковъ сказалъ мнѣ: радуюсь сердечно, что этотъ достойный человекъ умѣлъ

¹⁾ Старшій сынъ Степана Григорьевича (см. „Прекратившійся Родъ“), кандидатъ отъ Лубенскаго дворянства.

²⁾ Николай Ивановичъ Ушаковъ, бывшій дежурный генераль Крымской арміи (1854—56 г.г.), членъ комитета отъ Лубенскаго дворянства.

³⁾ См. тутъ же стр. XII.

обезсмертитъ свое имя, можетъ быть и не подозревая, что онъ это уже сдѣлалъ”.

17 ноября. „Генераль Ушаковъ просилъ меня, чтобы я почаще заходилъ къ нему и сказалъ, что до 10 часовъ онъ всегда дома и будетъ поджидать меня къ себѣ. Я пошелъ къ нему пѣшкомъ; онъ живетъ не далеко. Генераль былъ одинъ въ шлафрокѣ и писалъ что-то. Закурили сигары и сигары превосходныя, усѣлись; я располагалъ пробыть у него четверть часа, а пробылъ ровно два часа и время улетѣло какъ одна минута. Онъ разбиралъ выводъ второй главы положенія, вчера доставленной намъ комиссіею, чтобы рассмотреть до завтрашняго засѣданія. Посудили, порядили, кое что онъ прочиталъ мнѣ: я за шапку, а онъ за руку: куда? Пойдите, сидите, время наше; кончилось тѣмъ, что онъ непременно доставитъ мнѣ исторію послѣдней войны, но съ тѣмъ, чтобы прочиталъ ее я одинъ. Исторія еще не переписана, поспѣетъ черезъ двѣ недѣли. Что прикажешь дѣлать? Въ разговорахъ я чуть-чуть не называлъ генерала дядюшкою; такъ и вообразилъ, что говорю съ Иваномъ Григорьевичемъ. Самъ не понимаю, за что эти умные люди меня полюбили“.

Кромѣ Кирьякова, котораго онъ звалъ, когда тотъ былъ еще почти ребенкомъ, и Ушакова, съ которымъ онъ познакомился только теперь, въ Полтавѣ, отецъ поддерживалъ хорошія пріятельскія отношенія со своимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Александромъ Александровичемъ Остроградскимъ, и возобновилъ старинное знакомство съ бывшимъ своимъ гимназическимъ товарищемъ, а теперь членомъ комитета Павломъ Алексѣевичемъ Трипольскимъ. Два сына Трипольскаго учились въ корпусѣ вмѣстѣ съ нашимъ Володей, и это, разумѣется, еще болѣе связывало родителей. Онъ поддерживалъ также и прежнія свои знакомства: съ Александромъ Михайловичемъ Ярошенко, у котораго тоже былъ сынъ въ корпусѣ, въ одномъ классѣ съ Володей, и со старинными пріятелями семейства Райзеръ генераломъ Петромъ Федоровичемъ и полковникомъ Николаемъ Федоровичемъ Пинкорнелли. Очень хорошо относились къ отцу сановитые члены комитета—Кочубей, Позень, Бѣлуха-Кохановскій. Благодаря именно моему отцу, я и только что пріѣхавшій тогда на должность репетитора въ Корпусѣ Николай Васильевичъ Кореневъ, не разъ были и танцовали этою зимою у Бѣлухи.

Ночь 3-мъ ноября отецъ отмѣчаетъ, что утромъ онъ

былъ у Позена и тотъ между прочимъ сказалъ ему:— „Поздравляю васъ, вашъ племянникъ получилъ славное мѣсто, онъ назначенъ директоромъ мануфактурнаго департамента“.

— „Не племянникъ, а братъ мой, в. пр-во“.

— „Да, да, Александръ Ивановичъ, я знакомъ съ нимъ, онъ дѣльный человекъ, и непременно при первой почтѣ напишу къ министру, поздравлю его съ такимъ удачнымъ выборомъ“...

Вотъ нѣсколько бѣглыхъ чертъ, характеризующихъ ходъ занятій въ комитетѣ.

8 ноября. Разсмотрѣніе перваго вопроса программы. ... Братъ уже завтракалъ, а Кирьяковъ стоялъ подлѣ него, когда я пріѣхалъ (отъ Позена); наскоро позавтракалъ и я, и втроемъ поѣхали въ собраніе; опоздали немного, но еще ни о чемъ не разсуждали. Нѣтъ возможности разсказать сколько было говору, споровъ, выявлялась оппозиція, съ одной стороны Позень, съ другой Гудимъ-Левковичъ и Остроградскій. Я держалъ нейтралитетъ, если говорилъ, то по чувству убѣжденія и сознанія дѣла. О прямомъ дѣлѣ мало и говорили, просидѣли съ 11 до 5^{1/2} часовъ, и больше часа при свѣчахъ; устали страшно, а со всего этого вышло то, что избрали редакторовъ, вотъ они: Туманскій, Маркевичъ, Богдановичъ. Говорятъ, что они люди умные; о Туманскомъ знаетъ вся Россія, а о прочихъ увидимъ впоследствии“...

11 ноября. „... Мы пошли въ собраніе... раздался колокольчикъ князя, всѣ сѣли по мѣстамъ, началось чтеніе выводовъ, составленныхъ редакціонною подготовительною комиссіею, начались споры, сужденія всякія и вкривь и вкосъ: одни требовали отнести начало первой главы къ концу проекта. Тутъ и я высказалъ мнѣніе, что безъ уничтоженія крѣпостнаго права, не можетъ быть и положенія, что все положеніе вытекаетъ изъ уничтоженія этого права, и поэтому именно этимъ нужно начать. Сначала князь, Позень, многіе члены, а потомъ и всѣ члены согласились со мною, и въ половинѣ четвертаго была обсуждена вся глава и утверждены положенія, для составленія журнала, по которому редакторы составляютъ статьи проекта положенія“.

18 ноября. „Усталъ невыносимо; съ 11 часовъ до половины 5-го былъ въ собраніи, и читалъ громко и много говорилъ тоже громко, чтобъ всѣ слышали: оспаривалъ“.

мудренныя предложенія, вытекшія изъ мнѣнія поданнаго Позеномъ“...

29 ноября. „— Поданная мною 18 числа записка дѣлаетъ свое дѣло. Вчера многіе члены пристали къ моему мнѣнію и въ томъ числѣ Маркевичъ и Туманскій, что для меня очень лестно, но это по секрету. Теперь обдумываю другую записку, не знаю поможетъ ли Богъ изложить ее такъ, какъ она развивается въ головѣ. Надо же наконецъ кончить комедію и приняться за дѣло. Это можетъ быть возстановить противъ меня главныхъ эмансипаторовъ: Князя Кочубея, Позена, Остроградскаго и N; но я членомъ не для того, чтобы доставить имъ чины, ордена, мѣста, а для того, чтобы устроить дѣло въ пользу дворянъ, удостоившихъ избрать меня, и въ пользу крестьянъ, моихъ меньшихъ братьевъ, и прямо высказывать тѣ убѣжденія, какія угодно было всемогущему Богу усвоить мнѣ. Впрочемъ со стороны N дѣйствуетъ одно только самолюбіе, убѣжденія нѣтъ, а цѣль: *знайте меня, спорить о всемъ, чтобы только спорить и мѣшать дѣлу*“. Это мѣсто въ дневникѣ обведено чертой и на поляхъ написано „секретно“. Отецъ не хотѣлъ, чтобы эти его совершенно интимныя сообщенія распространялись.

2 декабря. „Съ 11 до 3 часовъ были въ собраніи. Ура! наша ваяла! Весело на душѣ и усталости вовсе нѣтъ, начала правды всплыли наверхъ и теперь преобладаютъ въ комитетѣ; хватились за умъ, и положеніе о переходѣ крестьянъ во время срочнообязаннаго положенія на купленія земли, цѣлыми обществами и семействами, безъ воли помѣщика, это положеніе, которое три засѣданія назадъ было принято 30-ю членами противъ 2-хъ, именно противъ Бутовскаго и Райзера; это самое положеніе отвергнуто сегодня 31-мъ противъ 1-го, именно противъ Высоцкаго. Мнѣнія до того перемѣшались, что самъ Позень, который больше всего настаивалъ, сегодня предложилъ вновь баллотировать, говоря: нельзя не согласиться съ изложеніемъ доводовъ Дмитрія Петровича... Туманскій, когда мы встали съ мѣстъ и начали составлять кружки, подошелъ ко мнѣ и положилъ мнѣ руку на плечо, говоря: вотъ нашъ консерваторъ, потомъ пожалъ мнѣ руку по дружески. Во время засѣданія и особенно при концѣ досталось и мнѣ поговорить порядочно, но теперь это уже не такъ трудно, какъ было на первыхъ порахъ съ непривычки“...

Думаю, что этихъ выдержекъ довольно, чтобы показать,

какъ относился отецъ къ своей работѣ въ комитетѣ. Прибавлю лишь нѣсколько строкъ, въ которыхъ съ особенной сосредоточенностью выражается его настроеніе:

28 ноября. „Сегодня ровно мѣсяцъ какъ я уѣхалъ изъ дому ¹⁾. Скучно, грустно, да что дѣлать—служба, и служба важная. Авось и я съ Божіей помощію прицесу свою лепту на алтарь отечества, для будущей его пользы и возможнаго благоденствія. Дай то Богъ, чтобы и мой вполне безпристрастный и глубоко обдуманый мною взглядъ на предметъ нашелъ сочувствіе въ комитетѣ. Впрочемъ: да будетъ воля Божія, да направитъ Богъ дѣла наши къ прямому, а не мечтательному благу *русскаго* человѣчества“.

Говорили мнѣ, что въ виду предстоящаго избранія одного изъ членовъ комитета, для участія въ работахъ главнаго комитета по крестьянскимъ дѣламъ въ Петербургѣ, члены Полтавскаго комитета просили дядю моего Алексѣя Степановича освѣдомиться у моего отца, не согласится онъ выставить себя кандидатомъ на такое избраніе. Но отецъ мой рѣшительно отклонилъ отъ себя эту почетную кандидатуру. Онъ чувствовалъ себя выбитымъ изъ своей нормальной колеи уже въ Полтавѣ, хотя у него были тутъ и дѣти и жилъ онъ съ близкимъ ему человекомъ, нашимъ дядею; поэтому понятно, что онъ съ тревогою относился къ перспективѣ ѣхать на неопредѣленное время въ далекую столицу и жить тамъ совсѣмъ одинокимъ, отрѣзаннымъ отъ семьи и въ совершенно непривычныхъ для него условіяхъ. Членомъ главнаго комитета отъ Полтавы былъ избранъ Александръ Васильевичъ Богдановичъ и, кромѣ того, по распоряженію свѣше, къ работамъ этого комитета былъ привлеченъ также и М. П. Позень.

Но, какъ бы взлѣвъ этой отстраненной имъ отъ себя болѣе широкой общественной дѣятельности, отецъ мой, въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни въ Полтавѣ, предпринялъ капитальную работу: „Проектъ уплаты помѣщикамъ за отведенныя въ пользованіе срочнообязанныхъ крестьянъ земли и усадьбы“. Работа эта была окончена уже въ Пелуховщинѣ, въ маѣ 1859 г., слѣдовательно вскорѣ по возвращеніи изъ Полтавы, и немедленно отправлена на имя генералъ-адъютанта Ростовцова. Отецъ получалъ отъ него официальное благодарственное письмо съ извѣщеніемъ, что проектъ переданъ для соображенія въ состоящія подъ его предсѣдательствомъ комиссіи.

¹⁾ Въ октябрѣ онъ уѣзжалъ на некоторое время въ деревню.

Есть основаніе думать что проектъ этотъ не потерялся въ комиссіяхъ безслѣдно. А. В. Богдановичъ извѣщалъ отца въ октябрѣ того же года изъ Петербурга. „Проектъ вашъ ... поступилъ въ финансовое отдѣленіе, а оно идетъ такъ туго—что до сихъ поръ, съ апрѣля, было только три засѣданія и теперь дѣло пріумолкло,—какъ видно хотятъ прежде распутать общій государственный финансовый вопросъ—выражающійся въ нововыпускаемыхъ облигаціяхъ. Надо однако полагать что онъ снова всплыветъ наверхъ, такъ какъ многіе комитеты исходомъ ставятъ обязательный выкупъ земель,—признаюсь вамъ, что, вопли убожденный въ практичности этой мѣры и въ неудобствѣ всѣхъ другихъ предположеній, у меня руки зудѣли написать и отъ себя тоже, но не имѣя полномочія—не рѣшился“...

Въ дневникѣ есть много замѣтокъ, рисующихъ личность писавшаго и общество, въ которомъ онъ жилъ, но чувствую, что послѣ многихъ и многихъ лѣтъ эти черты сохраняютъ свой жизненный интересъ развѣ только для меня, близко знавшаго это стародавнее общество и сердечно любившаго автора этого дневника. Остановлюсь на немногихъ еще чертахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ исторіи нашего семейства.

У губернатора, Александра Павловича Волкова, по субботамъ вечеромъ собиралось все полтавское общество; отецъ мой тоже получалъ приглашеніе на эти вечера; онъ не любилъ большихъ официальныхъ собраній, но для этихъ вечеровъ нарушалъ иногда свой патріархальный образъ жизни. Его побуждало къ этому родительское чувство: третій сынъ Волкова, маленькій Володя, учился въ корпусѣ какъ входящій кадетъ и подружился съ нашимъ кадетомъ Володей, который сталъ часто бывать у Волкова и былъ обласканъ въ этомъ семействѣ. Вотъ какъ описываетъ отецъ свой первый вечеръ у Волкова:

15 ноября. „Ровно въ 8 часовъ мы пріѣхали къ губернатору; полный домъ уже былъ гостей, вся Полтава, то есть вся здѣшняя аристократія: на диванахъ въ кружкѣ сидѣло разряженныхъ дамъ до сотни. Губернаторъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, подвелъ къ губернаторшѣ и сказалъ: отецъ нашего пріятели Володи Бутовскаго; она сказала мнѣ нѣсколько словъ въ похвалу Володи, а губернаторъ спросилъ: „онъ здѣсь?“.—Не отпустили ваше пр-во

изъ корпуса.— „Почему“?—Завтра смотри.— „А, да, пріѣхалъ Клопфель“. Между тѣмъ зала и всѣ комнаты все болѣе наполнялись гостями, я и не думалъ, чтобы въ Полтавѣ было такъ много звѣздъ на фракахъ и на блестящихъ мундирахъ, разумѣется военныхъ; было до десяти генераловъ, а о полковничьихъ эполетахъ и говорить нечего. Не успѣлъ я осмотрѣться какъ подошелъ ко мнѣ сынъ губернатора Володя, съ которымъ я познакомился въ корпусѣ уже ровно двѣ недѣли, и сегодня за полчаса прежде видѣлъ въ корпусѣ. Славный мальчикъ, присталъ ко мнѣ и цѣлый часъ почти занималъ. Было много и знакомыхъ; но въ такомъ большомъ обществѣ не всѣхъ сейчасъ и замѣтишь, а если и увидишь, то иногда и пробраться невозможно“.

Другой мой братъ, Федя, былъ зачисленъ въ корпусъ только въ слѣдующемъ году. Этою зимою онъ учился въ гражданской гимназій и жилъ на квартирѣ у отца. Ежедневно отецъ сообщаетъ въ своемъ дневникѣ о здоровьѣ, объ ученіи и о время препровожденіи этихъ двухъ бодрыхъ и способныхъ мальчиковъ. Володя бываетъ въ отпуску каждый праздникъ, а Федя ежедневно, передъ вечернею молитвою и отходомъ ко сну сдаетъ отцу приготовленные имъ уроки.

Всякій праздникъ отецъ непременно бываетъ въ институтѣ у сестры Ольги Дмитриевны, оказывающей выдающіеся успѣхи по научнымъ предметамъ и незаурядная способности къ музыкѣ, и аккуратно сообщаетъ нашей мамѣ о ея здоровьѣ и о всемъ касающемся духовныхъ и житейскихъ интересовъ нашей милой сестры.

Видѣтъ съ тѣмъ его никогда не покидаетъ мысль о младшихъ дѣтяхъ, о женѣ и о близкихъ людяхъ, живущихъ тамъ, въ такъ любимой имъ деревенской глуши. Ежедневно посылаетъ онъ трогательныя благословенія нашей мамѣ и маленькимъ—Колѣ, Евгенію и Машѣ, и проситъ передать свои поклоны „брату и другу Ивану Ивановичу, сестрицамъ, дядюшкѣ Ивану Григорьевичу и нянѣ Агафіи Федоровнѣ“.

Къ старшему сыну, офицеру, зачисленному весною того же года репетиторомъ въ Полтавскій кадетскій корпусъ, онъ относился вначалѣ нѣсколько холодно; ему не нравилось его юношеское стремленіе къ независимости; однако, скоро, тутъ же въ Полтавѣ, между ними установились самыя сердечныя и искреннія, дружескія отношенія.

Полюбилъ онъ также большого друга моей юности и товарища по репетиторству, только что выпущеннаго въ офицеры и этой осенью прѣхавшаго въ Полтаву Николая Васильевича Кореева: „Коля отличный молодой человекъ, — пишываетъ онъ подь 13-мь ноября, — весель, разговорчивъ, добръ, вѣжливъ, деликатень" ¹⁾).

Съ дядей Алексѣемъ Степановичемъ, всѣ эти шесть мѣсяцевъ, онъ жилъ дружески въ настоящемъ значеніи слова; не было даже намека на какія нибудь несогласія, хотя наклонности ихъ и вкусы были довольно различны. Отецъ былъ домосѣдъ, дядя же, перезнакомившійся со всею Полтавою, почти всѣ вечера проводилъ внѣ дома.

Кончаю описаніе этихъ полтавскихъ мѣсяцевъ интереснымъ малевькимъ эпизодомъ, записаннымъ отцомъ подь 21 января 1859 г. Жили они съ дядею въ домѣ Гавриленка, въ переулкѣ, сейчасъ же за Дворянскимъ собраніемъ. Домъ былъ одноэтажный, но квартира была просторная и удобная.

По вечерамъ, когда Федя уже спалъ, а дяди не было дома, въ глубокой тишинѣ, отецъ садился за дневникъ или за очередную работу. „Окна моей комнаты, — пишетъ отецъ, — выходятъ во дворъ на галлерею, было уже половина десятаго, дѣти спали, вездѣ тихо и только въ моей комнатѣ горѣли двѣ свѣчки: я читалъ, и читалъ уже болѣе часа рукопись Ушакова; слышу кто-то идетъ по галлерей, думалъ, что братъ, но братъ шелъ бы прямо, а тотъ остановился, должно быть посмотрѣлъ въ окно: что я дѣлаю; я не обратилъ вниманія... Вдругъ неожиданно ужасный стукъ въ раму окна: „Кто тамъ“? — Отвѣта нѣтъ, а стукъ продолжается. — „Кто тамъ?“ — „Воръ“ — „Да кто тамъ?“ — „Говорятъ, что воръ“ — Я со свѣчкою въ переднюю, Осмы нѣтъ, а Игнатъ спалъ, но проснулся. — „Посмотри, кто тамъ стучитъ въ окно“ — Вдругъ дверь открывается, показался человекъ огромнаго роста, въ шубѣ съ поднятымъ воротникомъ; и когда началъ хохотать, тогда только я узналъ Андрея Васильевича Остроградскаго. Посидѣлъ онъ у меня до 10 часовъ съ четвертью и ушелъ. Онъ прѣхалъ за дочерью, чтобы взять ее на свадьбу племянницы своей, которая выходитъ за Родаянку..“.

Андрей Васильевичъ, какъ я сказалъ уже выше, былъ университетскій товарищъ отца. Какъ долго сохраняли

¹⁾ См. „Прѣхавшійся Родъ“.

тогдашніе люди и юношескую живость и юношескую теплоту отношеній...

По завершеніи крестьянскаго вопроса, отецъ мой былъ избранъ кандидатомъ въ мировые посредники 8-го участка Кременчугскаго уѣзда, и иногда годами исполнялъ должность мирового посредника.

Онъ умеръ скоропостижно 3 февраля 1865 года, въ Пятигорцахъ, и похороненъ на той же самой поѣтической площадкѣ въ Грабивѣ, гдѣ была уже могила жены дяди Алексѣя Степановича, Маріи Алексѣевны, и гдѣ потомъ были похоронены послѣдніе фонъ-Райзеры (см. „Прекратившійся родъ“).

Наша милая мама, проживъ послѣ его смерти нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ и выждавъ, пока Маша окончитъ полтавскій институтъ, переѣхала съ нею въ Петербургъ, къ великой радости сердечно любившихъ ея сыновей. Часто, лѣтними мѣсяцами, возвращалась она въ Пелеховщину, гдѣ прекрасно хозяйничалъ Федоръ Дмитріевичъ, тотъ самый милый Федя, который въ 1858 г., маленькимъ гимназистомъ жилъ на квартирѣ вмѣстѣ съ нашимъ отцомъ.

Она скончалась въ Петербургѣ 13 марта 1886 г., и похоронена на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, въ усыпальницѣ родителей моей жены, Гороховыхъ.

Изъ семи братьевъ и сестеръ, дѣтей нашихъ родителей, насъ осталось теперь только трое: я, сестра Ольга Дмитріевна, въ замужествѣ Кореева, и братъ Николай Дмитріевичъ (вынѣ генераль-отъ-инфантеріи въ отставкѣ и извѣстный военный писатель).

Владиміръ Дмитріевичъ умеръ въ 1881 году, Федоръ Дмитріевичъ въ 1895 г. Оба служили въ л.-гв. Павловскомъ полку. Владиміръ Дмитріевичъ оставилъ въ полку свое имя какъ его историкъ. Федоръ Дмитріевичъ, выйдя въ отставку, посвятилъ себя сельскому хозяйству, и былъ предприимчивымъ и способнымъ деревенскимъ хозяиномъ. Ему мѣшала его большой размахъ. Вдова его, Надежда Григорьевна, урожденная Иваненкова, владѣетъ теперь Пятигорцами и пользуется тамъ большимъ уваженіемъ, какъ строительница храма въ этомъ селеніи.

Теперь Пятигорцы самостоятельный приходъ.

Евгеній Дмитріевичъ, служившій въ министерствѣ Государственныхъ имуществъ и очень уважаемый за свой характеръ и свою дѣловитость, умеръ совсѣмъ еще не старымъ человѣкомъ въ 1893 г.; сестра Марія Дмитріевна, въ замужествѣ Анстова, умерла въ 1904.

Дѣти Ольги Дмитріевны, Николая Дмитріевича, Евгенія Дмитріевича и Марія Дмитріевна, являются прямыми продолжателями той линіи рода Бутовскихъ, которая ведетъ свое начало отъ вознаго Кирьяка Александровича и жены его Варвары Ивановны.

VIII.

Ближайшая отъ насъ деревня, не дальше какъ за версту, была Вишеньки. Съ нашего крыльца ясно была видна дорога туда, прямо идущая по полю, дальше видна была вѣтряная мельница, за нею садъ, закрывающій отъ насъ постройки на барскомъ дворѣ. Лѣвѣе бѣлѣлись избы крестьянъ.

Это было имѣніе моихъ двоюродныхъ дядей и тетей, дѣтей Ивана Кирьяковича.

У насъ этой деревни никогда никто не называлъ Вишеньками. Когда надо было послать въ Вишеньки, говорили: „сбѣгай на тотъ дворъ“, когда кто-нибудь приходилъ оттуда, говорили „Прибѣжали съ того двора“. Именно „прибѣжалъ“, потому что ходили туда и оттуда только люди солидные, господа или старики, а за дѣломъ всегда бѣгали.

Целеховщину въ Вишенькахъ тоже называли „тѣмъ дворомъ“, и велось это такъ еще со временъ прабабушки Варвары Ивановны, которой принадлежали оба эти имѣнія до раздѣла ихъ между ея сыновьями. Она жила въ Целеховщинѣ у младшаго своего сына, моего дѣда, но прѣбывала въ Вишеньки, какъ полноправная распорядительница.

Какъ при ея жизни, такъ и послѣ ея смерти, многолюдная Вишеньковская семья, рано лишившаяся отца и матери, по рассказамъ бабы Хотины, часто бывала въ Целеховщинѣ: лѣтомъ чуть не ежедневно—пѣшкомъ, а зимою, вмѣстѣ съ дѣдушкой и его дочерью Настасьей Петровною, часто устраивали, какъ я уже и говорилъ, веселыя прогулки въ саняхъ; на масляницу рядились, и ря-

женые ѣхали въ Петрашовку, гдѣ тоже было нѣсколько дѣвиць; затѣвались гаданья, танцы,—это было дружное, веселое общество.

Въ письмахъ дѣда къ отцу я раза два встрѣтилъ фразу: „Настенька не пишетъ потому, что ее нѣтъ дома; уѣхала танцовать“.

Я помню вишенъковскихъ дядей и тетей пожилыми, а потомъ уже старыми людьми. Объ ихъ молодой жизни я узналъ только отъ бабы Хотины, и на моей памяти они уже были не тѣми людьми, какъ въ ея разсказахъ.

Ихъ было много: пять братьевъ и четыре сестры, и это было замѣчательное семейство. Большинство изъ нихъ прожило до преклоннаго возраста, и ни одинъ изъ братьевъ не женился, ни одна изъ сестеръ не вышла замужъ; между тѣмъ, всѣ братья были здоровые, красивые, умные люди, прекрасно съ честью служившіе и дѣловито хозяйничавшіе одинъ послѣ другого въ своемъ имѣніи; всѣ сестры въ молодости должны были быть привлекательными дѣвицами.

Я помню ихъ всѣхъ, кромѣ одного, второго по старшинству, Давида, который въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ убитъ въ турецкую кампанію 1828 г.

Теперь объ этой семьѣ вспоминаютъ только старые люди, и скоро, какъ это обыкновенно бываетъ, о нихъ совсѣмъ забудутъ... Но они живутъ въ моей памяти, и я думаю, что люди, носящіе нашу фамилію, не безъ любопытства прочтутъ эти воспоминанія о скромной и своеобразной жизни родныхъ людей, не оставившихъ послѣ себя прямыхъ потомковъ и не увѣковѣчившихъ своей памяти.

Старшій изъ братьевъ, Федоръ Ивановичъ, былъ гораздо старше моего отца. Онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1812, 18 и 14 гг., былъ контуженъ ядромъ въ грудь и раненъ пулей въ голову, а по выходѣ въ отставку, въ чинѣ подполковника, занималъ выборную въ то время должность исправника нашего Кременчугскаго уѣзда, я едва его помню. Онъ представляется мнѣ человекомъ крупнымъ, съ военной выправкой, громкимъ голосомъ и веселымъ смѣломъ. Онъ памятенъ мнѣ потому, что у него были большіе золотые часы съ репетиціей, которые онъ прикладывалъ къ моему уху, когда они звонко отчеканивали число часовъ. О бокъ со старымъ отцовскимъ домомъ, въ Вишенъкахъ, онъ выстроилъ себѣ щеголеватый домикъ и жилъ самостоятельно, отдѣльно отъ сестеръ. Позднѣе этотъ

домикъ перешелъ въ собственность любимой его сестры, Анны Ивановны.

Онъ умеръ въ одинъ годъ съ моимъ дѣдомъ. Послѣ его смерти вышелъ въ отставку, слѣдующій по старшинству братъ, Иванъ Ивановичъ

Это была характерная черта тогдашняго дворянства, по крайней мѣрѣ у насъ въ Малороссіи. Всѣ молодые дворяне считали долгомъ чести служить въ военной службѣ, но не искали въ ней карьеры. Какъ только въ имѣніи требовался хозяинъ, молодой офицеръ выходилъ въ отставку и становился помѣщикомъ.

Иванъ Ивановичъ вышелъ въ отставку капитаномъ и больше двадцати лѣтъ управлялъ Вишеньками. Это былъ не только нашъ ближайшій сосѣдъ, но и хорошій другъ нашей семьи. Онъ былъ человѣкъ скромный, положительный, очень дѣловитый и, въ обществѣ, которое было ему не чуждо, пріятный собесѣдникъ. Онъ часто бывалъ у насъ по вечерамъ, и лѣтомъ и зимою. Всегда находились у него въ карманѣ какія нибудь лакомства для насъ, дѣтей.

Длинные зимніе вечера проходили въ бесѣдахъ, въ игрѣ въ шашки, въ рабужь или какую нибудь другую карточную игру, въ которой принимала иногда участіе и наша мама; играли разумѣется безъ интереса.

Иванъ Ивановичъ хорошо служилъ. Не получивъ большого образованія, онъ любилъ однако хорошую книгу, и я думаю былъ начитаннѣе многихъ изъ своихъ сослуживцевъ. Помнится, онъ рассказывалъ мнѣ, что служилъ въ томъ полку, которымъ командовалъ Пестель, и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со своимъ командиромъ. Онъ былъ казначеемъ и замѣчалъ, что вся корреспонденція Пестеля состояла изъ денежныхъ писемъ „со вложеніемъ одного рубля“; потомъ только онъ сообразилъ, что дѣлалось это для обезпеченія писемъ отъ вскрытія или потери...

Любилъ онъ читать и въ отставку. Я еще мальчикомъ видѣлъ у него огромные томы Михайловскаго - Данилевскаго съ портретами генераловъ отечественной войны, сочиненія Скобелева, и другія книги, преимущественно военныя или историческія. Ему было о чемъ поговорить съ моимъ отцомъ. Въ преклонномъ возрастѣ онъ читалъ „О подражаніи Христу“ Томы Кемпійскаго.

Смолоду онъ былъ ловокъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, прекрасно стрѣлялъ и любилъ охоту, но деревенская его жизнь проходила чрезвычайно скромно. Я помню

его комнаты въ старомъ вишеньковскомъ домѣ, чрезвычайно чистыя и заботливо убранныя коврами и дорожками, и его постоянное мѣсто на креслѣ у окна на дворѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, почти всегда одинокій, въ свои свободныя часы, и любовался въ окно своимъ хозяйствомъ. Хозяинъ онъ былъ образцовый. Сестры жили на другой половинѣ, и семья сходилась только въ часы обѣда, ужина, вечерняго чая, или когда къ нимъ прѣзжали всѣ мы цѣлымъ семействомъ.

Слѣдующій по возрасту братъ, Егоръ Ивановичъ, въ чинѣ маіора, былъ смертельно раненъ при штурмѣ Севастополя.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 29 мая 1856 г., № 117, было помѣщено прочувствованное описаніе геройской кончины Егора Ивановича. Статья принадлежала перу нашего родственника Ивана Григорьевича Бутовскаго. Думаю, что члены нашего семейства съ участіемъ прочтутъ нѣсколько выдержекъ изъ этой статьи, рисующихъ намъ личность нашего родственника—героя.

„Маіоръ Егоръ Ивановичъ Бутовскій,—разсказываетъ авторъ статьи,—вступилъ въ службу рядовымъ въ Вятскій пѣхотный полкъ, въ 1824 г., еще юношею, имѣя съ небольшимъ 17 лѣтъ, и первый офицерскій чинъ получилъ за отличіе въ дѣлѣ противъ турокъ подъ Андрианополемъ, въ 1829 г. Медленно подвигался потомъ Бутовскій въ чинахъ, и 1846 годъ засталъ его капитаномъ Суздальскаго пѣхотнаго полка... Въ 1847 г. Егоръ Бутовскій произведенъ за отличіе по службѣ въ маіоры и переведенъ въ Олонецкій пѣхотный полкъ... Въ этомъ чинѣ и съ этимъ полкомъ Бутовскому суждено было вторично выйти на боевое поле, и, по неисповѣдимому велѣнію промысла, на немъ остаться“.

Въ маѣ 1855 г. 4-я дивизія, къ которой принадлежалъ Олонецкій полкъ, двинулась въ Крымъ. На пути и по прибытіи на мѣсто Егоръ Ивановичъ написалъ Ивану Ивановичу нѣсколько писемъ. Приведенные изъ нихъ отрывки дышатъ бодростью и чудеснымъ патріотическимъ одушевленіемъ.

„Прошла, прошла, спасибо Царю, томительная тоска отъ праздноя стоянки въ Люблинѣ, тогда какъ наши братья-соратники столько уже мѣсяцевъ препираются съ задорными незявками. Теперь спѣшимъ день и ночь,

чтобы скорѣе обнять родныхъ крымскихъ героевъ, и обще съ ними покончить затѣи врага.

Походомъ и на дневкахъ, которыя у насъ такъ рѣдки, черезъ четыре и пять дней,—я не пропускаю случая, чтобъ не поохотиться; стрѣляю, по пути, дрофъ, стрепетовъ, куропатовъ и зайцевъ, а подь часъ и дупельшвеловъ, и всей этой лакомой дичи такое множество, что рассылаю ее цѣлыми ягдташами моимъ добрымъ друзьямъ. Просто набиваю все болѣе руку, чтобы порядкомъ отпотчивать нашихъ милостивцевъ, англичанъ и французовъ. Солдаты такъ и рвутся, чтобъ поскорѣй сойтись съ ними грудь съ грудью“.

По выходѣ изъ Бахчисарая, изъ лагеря на рѣкѣ Бельбекѣ, отъ 22-го іюля, письмо его начиналось радостнымъ ура! и благодареніемъ Богу за прибытіе на мѣсто. „Поздравьте насъ“, говорилъ онъ, „мы уже у своего дѣла, котораго такъ долго ожидали: теперь перестаетъ и краснѣть передъ товарищами, насъ опередившими, и не будетъ совѣстно брать даромъ царское жалованье“.

Вотъ онъ, наконецъ, въ Севастополѣ, онъ былъ уже въ сраженіяхъ на Мекензиевой горѣ и на Черной рѣчкѣ, и пишетъ брату: „Канонада не прекращается ни днемъ, ни ночью; но при храбрыхъ начальникахъ, какъ Сакенъ, Хрулевъ и Семякинъ, войска одушевлены уже и однимъ ихъ присутствіемъ.—По пословицѣ, что на людяхъ и смерть красна, вся эта трескотня бомбъ и ядеръ, и рѣзкій свистъ еретическихъ пуль для насъ словно трьянь-трава: одинаково шутимъ и смѣемся“...

„Скажи, братъ, милымъ сестрамъ, что адѣсь вовсе не такъ страшно, какъ о томъ вдали думаютъ; передъ врагами, мы всѣ той мысли, что двухъ смертей не бывать, одной не миновать“.

„Это письмо было послѣднее. Слѣдующія затѣмъ подробности частію заимствованы отъ очевидцевъ, частію изъ послѣднихъ замѣтокъ Бутовскаго, найденныхъ съ завѣщаніемъ между вещами“.

Наступилъ день штурма, 27 августа 1855 г.

„Оловецкій полкъ, еще съ 23-го августа, занялъ, на первой оборонительной линіи, одинъ изъ пунктовъ, самый опасный и наиболѣе поражаемый—бастіонъ № 2-го, смежный съ Малаховымъ Курганомъ. Въ одиннадцать часовъ утра, едва канонада притихла, послышался какъ бы подземный гулъ и скоро что то похожее на шумъ прибли-

жающагося урагана. Мгновенно, какъ волна, хлынулъ непріятель на приступъ большими массами. На всей оборонительной линіи взревѣли крѣпостныя орудія и затрещалъ ружейный огонь. Вдругъ на бастіонѣ № 2-го показались французы, и борьба загорѣлась: такъ длилось болѣе часа съ перемѣннымъ успѣхомъ; наконецъ, непріятель, безпрестанно подкрѣпляемый свѣжими войсками, успѣлъ оттѣснить Олонецкіе батальоны до 3-й оборонительной линіи.

Прибыли подкрѣпленія.

„Несмотря на усиленный приливъ нѣсколькихъ непріятельскихъ бригадъ изъ корпуса генерала Боске, неустрашимый (генералъ) Собашинскій (съ полками 8-й пѣхотной дивизіи) бойко отбилъ, одну за другою, три новыя атаки. По словамъ маіора Бутовскаго, послѣдняя изъ нихъ была всѣхъ упорнѣе, и тутъ то онъ, въ самый разгаръ рукопашнаго боя, какъ бы ускоряя свой конецъ, схватилъ ружье изъ кучи убитыхъ и раненыхъ передъ нимъ французовъ, и съ крикомъ — за мной, Олонцы! дружище! — бросился съ бастіона за бѣгущимъ непріателемъ. Этотъ геройскій порывъ его былъ послѣдній: двѣ коническія пули въ животъ и въ пятку свалили храбраго, и опечаленные солдаты, въ пылу страшной рѣзни, отнесли за фронтъ любимаго начальника. Чтобъ не ослаблять рядовъ, онъ не велѣлъ нести себя далѣе, и приказалъ людямъ возвратиться на свои мѣста. При немъ остался только его вѣрный слуга Лободенко со штуцеромъ въ рукахъ: „Ну, чего стоять и тныкать надо мною?“ сказалъ Бутовскій, „иди и стрѣляй по врагамъ“. Такъ пролежалъ страдалецъ у самаго побоища почти два часа. Лободенко между тѣмъ продолжалъ стрѣлять, и каждый разъ радовалъ господина извѣстіемъ, что попалъ ловко“.

„Наконецъ повесли Бутовскаго на перевязочный пунктъ“.

Онъ прожилъ еще до 16-го сентября.

„За нѣсколько часовъ до смерти, онъ сдѣлалъ походное завѣщаніе, пригласивъ въ душеприкащики своего соратника, Ладожскаго егерскаго полка капитана Дыммана, пользовавшагося отъ ранъ въ томъ же госпиталѣ. Г. Дымманъ, принимавшій въ завѣщательнѣе участіе, исполнилъ самымъ благороднымъ образомъ волю покойнаго, и мы, родственники, отъ всей души благодарили г. Дыммана“..

„Во все время своихъ страдальческихъ дней, Егоръ Бутовскій съ жадностью освѣдомлялся о ходѣ военныхъ дѣйствій, и горячо молилъ Бога о дарованіи побѣдъ Рус-

скому царю и Его воинству. „Да!“ говаривалъ онъ, въ припадкахъ жестокихъ терзаній: „сладко умирать за отечество! одна уже эта мысль облегчаетъ раздирающія боли. Вѣдь могло же случиться, что, живя и въ хуторѣ, на покоѣ, пришлось бы испытать не менѣе мученій и умереть отъ причинъ вовсе ничтожныхъ; какъ же обойтись безъ жертвъ, отстаивая святуя родину!“ При послѣднихъ минутахъ, онъ подоавалъ плачущаго Лободенка, и, простясь съ нимъ, сказалъ ему тихимъ, прерывающимся голосомъ: „Не плачь, скажи и дома, чтобъ обо мнѣ не тужили: смерть солдата честна предъ Господомъ!“

„Пуля, поразившая его въ животъ, не могла быть вынута, и она то низвела его въ гробъ; другая пуля, ударившая въ пятку, прошла насквозь и найдена въ сапогѣ; эти печальные памятники—пробитая рубаха, пробитый сапогъ и ковическая пуля доставлены брату покойнаго и хранятся въ семействѣ. Вѣрный слуга его, Иванъ Лободенко, несмотря на то, что еще въ дѣлѣ на рѣкѣ Черной раненъ слегка пулей въ икру и контуженъ отломкомъ бомбы у Николаевского форта, не отставалъ отъ своего господина даже при адскомъ штурмѣ, и первый прилагалъ стараніе, чтобъ, съ особою осторожностію, перенести его на перевязочный пунктъ“.

Тѣло Егора Ивановича похоронили на Симферопольскомъ кладбищѣ рядомъ съ могилою смертельно раненаго въ тотъ же день его земляка и пріятеля генераль-маіора Михаила Захаріевича Лысенко.

Къ свѣдѣніямъ, взятымъ изъ статьи Ивана Григорьевича, прибавлю, что со времени возвращенія Ивана Лободенки съ имуществомъ Егора Ивановича въ Вишеньки, въ комнатѣ Ивана Ивановича, на видномъ мѣстѣ, подъ стекляннымъ козлакомъ хранились, на особомъ постаментѣ каска, эполеты, орденъ и оружіе брата героя, а въ ящикѣ подъ постаментомъ его рубаха, обувь и сразившая его пуля. Это была святыня, благоговѣнно чтимая въ этой хорошей семьѣ, жившей по стародавнимъ обычаямъ.

Ивана Лободенка, или какъ его звали въ зрѣломъ возрастѣ, Лобода, который будучи еще почти мальчикомъ, не отходилъ отъ своего барина во всѣхъ тяжелые дни осады, вынесъ его изъ схватки и оставался при немъ до его кончины, я хорошо зналъ впоследствии; онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ Вишенькахъ и у насъ въ Пелехов-

щинѣ какъ хорошій расторопный человекъ и дѣльный хозяинъ. Онъ умеръ въ 1905 г.

Егора Ивановича я видѣлъ всего одинъ разъ, когда прѣзжалъ въ отпускъ на Рождество 1848 г. Онъ былъ уже тогда маіоромъ; это былъ красивый, сильный и здоровый человекъ.

У меня есть его портретъ писанный наивною рукою офицера сослуживца, но очень похожій. Онъ висѣлъ въ гостиной во флигелѣ у Анны Ивановны, которая любила украшать свою комнату портретами и образами, и потому не сдѣлался жертвою пожара, уничтожившаго, гораздо позднѣе, весь старый господскій домъ.

Почтенное семейство! Три брата изъ четырехъ, служившихъ офицерами, запечатлѣли своею кровью свою безупречную службу: два были поражены на смерть, третій контуженъ и раненъ.

IX.

Возвращаюсь къ дядѣ Ивану Ивановичу.

Когда я прѣхалъ домой офицеромъ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, я засталъ его больнымъ; онъ былъ разбитъ параличемъ, плохо владѣлъ лѣвою ногою и рукою, и могъ ходить только опираясь на палку, но сохранялъ всю умственную и нравственную свѣжесть. Онъ обрадовался моему прѣзду, продолжалъ бывать у насъ такъ же часто какъ и прежде, всегда сопровождаемый младшею изъ сестеръ, Ульяною Ивановною; мы тоже охотно заѣзжали или заходили въ Вишеньки, чтобы провести съ нимъ вечеръ.

Ульяна Ивановна ѣздила съ братомъ на Кавказъ; это принесло ему маленькую пользу, но онъ остался тромымъ и немощнымъ до конца своей жизни.

Умеръ онъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ Вишеньки прѣхалъ младшій изъ братьевъ, Матвѣй Ивановичъ. Этотъ сравнительно молодой членъ семьи росъ при другихъ условіяхъ и другихъ взглядахъ чѣмъ его старшіе братья. Онъ окончилъ Харьковскій университетъ, опредѣлился по гражданскимъ дѣламъ и подъ конецъ своей службы, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, занималъ большое мѣсто почтъ-директора на Кавказѣ и въ Черноморьѣ.

Какъ и всѣ члены этого семейства, онъ тоже былъ человекъ скромный, тѣмъ не менѣе онъ привезъ въ

Вишеньки нѣкоторыя барскія наклонности, которыхъ тамъ не знали. Онъ пилъ вино только высокихъ марокъ, курилъ только гаванскія сигары, ѣздилъ на зиму въ Одессу или Крымъ и образовалъ кружокъ знакомыхъ изъ числа состоятельныхъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Прожилъ онъ въ Вишенькахъ недолго; онъ умеръ въ началѣ 70-хъ годовъ.

Изъ четырехъ сестеръ, третья, Анна Ивановна, была жинная, говорливая, иногда остроязычная, но вообще добродушная и веселая особа, до старости любила общество и имѣла свой кругъ знакомыхъ, которыхъ принимала въ домѣ, доставшемся ей послѣ Федора Ивановича. Ея остро словіе вовлекало ее иногда въ непріятности. Даже мой дѣдъ бывалъ иногда недоволенъ за ея разговоры и на нее, а вмѣстѣ съ нею и на Федора Ивановича. Она до старости сохраняла особенно крѣпкія дружескія связи съ Марьей Васильевной Милькевичъ, въ Теренякахъ, и съ одной изъ своихъ равныхъ подругъ, дочерью Петра Даниловича, Елизаветою Петровною, вышедшею замужъ въ Кіевской губ. за Гудимъ-Левковича.

Изъ трехъ другихъ сестеръ я помню Марью Ивановну уже старой, высокой, строгой и молчаливой дѣвицей. Вторая, Татьяна Ивановна, проживала въ Броваркахъ въ небольшомъ домикѣ, на бывшемъ тамъ семейномъ грунтѣ. Мы заѣзжали къ ней, когда бывали въ броварской церкви, но она рано умерла; я едва ее помню.

Младшая сестра, Ульяна Ивановна, тихая и кроткая, вся отдалась уходу за братомъ Иваномъ Ивановичемъ.

Судя по тому, что въ письмахъ моего дѣда къ отцу я нахожу приписки не только моей родной тетки Настасьи Петровны, но иногда и вишеньковскихъ дѣвицъ, чаще другихъ Анны Ивановны, я заключаю, что всѣ онѣ умѣли писать, но сколько я помню, читали онѣ преимущественно по-славянски — псалтырь, прологъ, четьи-минеи, и читала больше Анна Ивановна; у другихъ всегда было много дѣла по хозяйству... Всѣ онѣ были усердны къ церкви; Анна Ивановна благодѣтельствовала семейству броварскаго священника.

Съ братьями своими сестры были очень дружны и гордились ими. Эта черта гордости имѣла въ себѣ что-то трогательное и благородное. Какъ ни скромно служили братья, но они служили честно и достойно и были безупречными людьми; во всякомъ дѣлѣ они умѣли найтись и дѣлали

его хорошо, и сестры это понимали; братья были для нихъ воспитателями добраго имени семьи.

Но велика была простота нравовъ въ Вишенькахъ. Сестры, говоря въ домашнемъ кругу о братьяхъ, иначе не называли ихъ какъ уменьшительными именами, не соображаясь ни съ ихъ возрастомъ, ни съ чиномъ. Естественно это полюбавіе уменьшительными именами распространялось и между дворовыми людьми и даже между крестьянами. Помню, какъ однажды съ того двора къ намъ прибѣжала сѣнная дѣвушка съ извѣстіемъ, что „вчера пріѣхалъ Матюша съ Кавказа“. Матюша былъ тогда едва-ли уже не дѣйствительнымъ статскимъ и былъ человѣкомъ почтеннаго возраста.

Къ намъ онѣ относились дружелюбно, но сдержанно. Побывавъ въ Кременчугѣ, онѣ непременно присылали намъ французскую булку и лимонъ, а возвратясь изъ Градижска—связку вкусныхъ бубликовъ, но въ семейныя свои дѣла онѣ насъ не посвящали.

Съ отцомъ моимъ онѣ были очень коротки еще съ дѣтства, но съ тѣхъ поръ какъ онѣ стали самостоятельнымъ хозяиномъ и женился, онѣ сдѣлался для нихъ какъ бы человѣкомъ чуждаго имъ круга. Они чувствовали въ немъ человѣка другой культуры, не одобряли замѣтное въ немъ отрицаніе старыхъ формъ жизни и давали ему иногда это чувствовать; но въ серьезныхъ дѣлахъ все-таки обращались къ нему съ довѣріемъ.

Теперь, послѣ многихъ и многихъ лѣтъ, эта семья представляется мнѣ тишинымъ образцомъ стародавняго и патриархальнаго образа жизни, старыхъ обычаевъ и вѣрованій.

Входишь, бывало, въ довольно большой, крѣпко выстроенный, но низкій домъ и чувствуешь уже, что попалъ въ особое мѣсто, гдѣ живутъ особые люди. Изъ чисто выметенныхъ сѣней съ глинянымъ поломъ, направо—половина сестеръ. Входите въ довольно большую комнату, столовую, и васъ поражаетъ какая-то верушмая тишина и какой-то особенный пріятный ароматъ, распространенный въ воздухѣ. Осматриваетесь и видите, что на цинкахъ и толстыхъ потолочныхъ балкахъ развѣшаны пучечки травъ и разные мѣшочки съ сѣмями. Вдоль стѣнъ стоятъ не то сундуки не то скамьи, покрытыя то типличной малорусской узорной тканью, то богатымъ и всегда восточнымъ ковромъ. Твердые деревянные стулья, нелишешные интереса по своему старо-

давнему фасону, стоятъ только въ промежуткахъ, плотно заполняя свободныя мѣста. За самоваромъ, у особаго столика сидитъ серьезная Марья Ивановна. Тишина; всѣ говорятъ только вполголоса, пока отецъ мой не заговорить съ Иваномъ Ивановичемъ въ полный голосъ. Всѣ сестры умолкаютъ какъ бы въ видѣ протеста, но Анна Ивановна, увлеченная разговоромъ, вдругъ высказываетъ свое замѣчаніе или возраженіе повышеннымъ тономъ. Тогда Марья Ивановна начинаетъ говорить еще тише и зоветъ къ себѣ маленькую дѣвчонку, Присю, стоящую у дверей въ качествѣ прислуги, совсѣмъ беззвучнымъ: „Прсс!“ Прися частыми шажками неслышно подходитъ къ столику, и Марья Ивановна отдаетъ ей какое-то приказаніе совсѣмъ уже шепотомъ. Сама Анна Ивановна спохватывается и сосредоточенно замолкаетъ на нѣкоторое время.

Иногда, когда я былъ уже офицеромъ, они звали меня къ себѣ обѣдать. Такая же чинность и за обѣдомъ, но обѣдъ особенный, старинный, совсѣмъ малороссійскій, какой готовили въ дѣдовскихъ семьяхъ. Есть тутъ и „сняженный сыръ“, и какой-то крѣпкій, очень вкусный борщъ изъ утки, и какія то особенныя вкусныя и жирныя кушанья, запеченныя въ мисочкахъ...

Но это вовсе не значитъ, что мои дяди и тети были гастрономами; нѣтъ, это дѣлалось потому, что такъ это было заведено въ дворянской семьѣ при отцахъ и дѣдахъ.

Дядя Иванъ Ивановичъ выпивалъ передъ обѣдомъ рюмку водки и за обѣдомъ рюмку вина, но не потому, что не могъ безъ этого обойтись, а потому, что это такъ полагалось порядочному человѣку за порядочнымъ обѣдомъ.

Помню, какъ однажды я заслужилъ порицаніе со стороны моихъ вишеньковскихъ тетей. Какъ-то осенью, послѣ обѣда, въ ясный солнечный день, съ юга поднялась черная туча, быстро распространилась по всему небу и закрыла солнце. Это была саранча; туча постепенно стала рѣдѣть, и мы увидѣли, что саранча садится гдѣ-то въ степи за Вишеньками, близъ раскопанныхъ могилъ. Саранча была у насъ явленіемъ очень рѣдкимъ, и естественно, что мы и сестра моей Ольгѣ Дмитриевнѣ (я былъ уже тогда офицеромъ) захотѣлось посмотрѣть, какъ она садится и покрываетъ землю толстымъ слоемъ. Мы поѣхали и на обратномъ пути по дорогѣ заѣхали въ Вишеньки.

Не замѣчая, что тамъ господствуетъ какая-то сосредоточенность и подавленность, я сталъ рассказывать, что мы

видѣли. Молчаніе и неподвижность. Наконецъ Марья Ивановна произноситъ тихимъ укоризненнымъ голосомъ: — „Гибъвъ Божій, а вы вѣдите смотрѣть“... — „Да, голубчикъ мой,—продолжаетъ послѣ нѣкотораго перерыва Аня Ивановна,—папа покойница бабушка Варвара Ивановна не пустила бы насъ смотрѣть на саранчу, а заставила бы Богу молиться, чтобы онъ избавилъ насъ отъ такого бѣдствія“...

— „Да, теперешней молодежи все на погѣху“,—заключаетъ какъ бы про себя тетя Ульяна Ивановна.

Тихая, невозмутимая жизнь этой семьи была потревожена уже въ поздніе годы серьезнымъ происшествіемъ. Ивана Ивановича, разбитаго уже параличемъ, ограбили. Случилось это такъ: окно его спальни выходило въ садъ, который съ этой стороны, шагахъ въ двадцати, выходилъ къ широкому полю; онъ отдѣлялся отъ поля глубокимъ ровомъ, но ровъ для лихихъ людей небольшое препятствіе. И вотъ большою Иванъ Ивановичъ однажды темной осенней ночью слышитъ, какъ у самаго его изголовья открывается ставня, раздается трескъ разбитыхъ стеколъ, раскрывается окно, и кто-то влѣзаетъ въ комнату. Человѣкъ видимо знаетъ, чего ему надо; не говоря ни слова, ощупью находитъ столикъ, беретъ на немъ шкатулку и направляется обратно въ окно. На трескъ битыхъ стеколъ прибѣжала Ульяна Ивановна, но она увидѣла уходившаго уже человѣка; безстрашно выглянула она въ окно и ей показалось, что тамъ былъ не одинъ человѣкъ...

Въ шкатулкѣ было нѣсколько тысячъ рублей.

Дѣло было смѣлое и какое-то таинственное. Ивану Ивановичу показалось, что онъ слышалъ грохотъ отъѣзжающей телеги; то же самое слышала и Ульяна Ивановна. Значитъ, люди были прѣважіе, но люди, знавшіе чего имъ нужно и какъ имъ надо было вести дѣло...

На другой день утромъ прикащикъ Ивана Ивановича, Петръ Федоровичъ Штанько, человѣкъ умный и преданный, разсматривая слѣды грабителей, нашель палку— „бичъ“ отъ молотильнаго цѣпи,—и тотчасъ же сообразилъ, что это можетъ повести къ открытію злодѣевъ.

Какъ ни въ чемъ ве бывало пошелъ онъ потихоньку, какъ бы по своимъ дѣламъ, опираясь на эту палочку. по тому направленію, откуда, надо думать, прѣехали грабители, на Петрашовку и на Броварки. Идетъ онъ по Броваркамъ и встрѣчается ему сынъ отца Ивана, священ-

ника. Слово за слово.— „Что это у васъ за палочка, Петръ Федоровичъ?“— „А это такъ . . . бичикъ отъ цѣпа . . .“— „Позвольте, да вѣдь я этотъ бичикъ знаю; съ нимъ ходитъ такой-то изъ Петрашовки; я еще у него торговалъ этотъ бичикъ, онъ изъ хорошаго крѣпкаго дерева“ .

Участники были найдены, деньги однако пропали безслѣдно. Судились два грабителя, но всѣхъ ихъ было три. Третій, настоящаго имени котораго никто не зналъ, былъ и подговорщикомъ и главнымъ дѣятелемъ; онъ лазилъ въ комнату, онъ вынесъ изъ нея шкатулку, но далъ имъ по нѣскольку рублей и въ ту же ночь скрылся. Съ тѣхъ поръ они его не видали и ничего о немъ не слышали.

Былъ другой случай. Иванъ Ивановичъ уже умеръ, но Матвѣй Ивановичъ еще не прѣвзжалъ. Оставались только двѣ барышни, Анна Ивановна и Ульяна Ивановна. Однажды въ июльскій душный день надъ Вишеньками разразилась гроза. Молнія ударила въ кухню, стоящую противъ стараго дома. Кухня загорѣлась; соломенную крышу охватило пламенемъ, сбѣжались люди, чтобы тушить, но Петръ Федоровичъ, по приказанію барышень, остановилъ:— „грѣхъ тушить то, что загорѣлось отъ Божьяго огня!“ Онъ взялъ нѣсколькихъ людей, вошли въ домъ, вынесли изъ него образа, зажженные страстныя свѣчи, святую воду въ чашѣ, кропило и, предшествуемые барышнями, три раза торжественно обошли горѣвшую постройку, окропляя ее святой водой.

Пылавшій пожаръ внезапно самъ собою прекратился.

Такъ разсказывалъ мнѣ Петръ Федоровичъ.

Послѣднею изъ этой семьи умерла Анна Ивановна, въ концѣ 70-хъ годовъ въ Елизаветградѣ, въ гостяхъ у своего друга, Елизаветы Петровны. Подъ старость она ослѣпла; ей сдѣлали операцію, но зрѣніе къ ней не возвратилось.

Черезъ годъ сгорѣлъ и старыи домъ, эта полная чаша всякихъ хозяйственныхъ принадлежностей, сгорѣлъ до тла, какъ бы унося съ собою всѣ слѣды жившихъ здѣсь когда-то людей, всѣ воспоминаія о нихъ.

Теперь въ Вишенькахъ стоитъ только, почти готовый развалиться, старецкій домикъ Федора Ивановича.

X.

Немного дальше, чѣмъ Вишеньки, верстахъ въ двухъ отъ Пелеховщины на западъ, лежитъ деревня Петрашовка. Въ годы ранняго моего дѣтства въ ней жилъ большой богатый малороссійскій „панъ“ Петръ Даниловичъ Бутовскій, сынъ того бунчуковаго товарища Давила Александровича, который получилъ высочайшій подарокъ во время путешествія императрицы.

Въ 1801 г., когда составлялось „дѣло“ о дворянствѣ, Петру Даниловичу было уже сорокъ пять лѣтъ, и значился онъ маіоромъ въ отставкѣ. Въ сороковыхъ годахъ, слѣдовательно, ему было свыше восьмидесяти, но это былъ крѣпкій, грузный, полнокровный старикъ, разумный, распорядительный и властный хозяинъ.

Онъ приходился двоюроднымъ братомъ моему дѣду и жили они въ хорошихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. На моей памяти онъ одиноко доживалъ свой вѣкъ въ Петрашовкѣ, но любилъ когда у него бывали, и самъ нерѣдко заѣзжалъ къ намъ посидѣть часокъ другой передъ вечеромъ.

Я говорилъ уже, что отецъ его былъ самый богатый изъ Бутовскихъ, но и самъ онъ взялъ большое состояніе за женой. Въ степи, по сосѣдству съ нами, подъ Броварками и Гриньками, у него было два большихъ имѣнія—Петрашовка и Тимашовка, кромѣ того было у него имѣніе за Днѣпромъ—Камышеватое, и большіе плавни за Сулою, подъ Еремѣвкой.

Жена его, Марья Михайловна, которую помнилъ еще мой отецъ, была изъ рода Кирьяковыхъ. Въ какомъ родствѣ была она съ Кирьяковыми, нашими сосѣдями, я не знаю; но родство было, кажется, не близкое. Въ письмахъ дѣда я нашелъ случайное указаніе, что Михаилъ Михайловичъ Кирьяковъ, повидимому братъ Марьи Михайловны, жилъ въ Петербургѣ и занималъ какую-то придворную должность.

Въ воспоминаніяхъ моего дѣтства мнѣ ярко рисуется Петрашовская господская усадьба. Она лежала у самаго вѣзда въ Петрашовку съ нашей стороны. Въ глубинѣ двора, плотно обстроеннаго разными хозяйственными службами, виднѣлся просторный, но низкій домъ, а за нимъ довольно большой садъ. Домъ былъ стариннаго малорус-

скаго типа; не было тутъ ни крыльца, ни балкона, а влоль всего передняго фасада шла неширокая, крытая галерея въ уровень съ землею и съ глинянымъ поломъ. Изъ галереи дверь вела въ сѣни и въ комнаты тоже безъ всякихъ подъемовъ; все было на уровень съ землею. Домъ былъ неправильной формы, съ пристройками разной высоты, но внутри онъ былъ уютенъ и по старинному богато обставленъ. Петръ Даниловичъ сидѣлъ въ глубокихъ мягкихъ креслахъ и казалось, что онъ-то своимъ старческимъ спокойствіемъ и придаетъ особенную уютность этому дому. Въ гостиной висѣли два портрета—его и его жены,—писанные безъ сомнѣнія тѣмъ же броварскимъ отцомъ Демьяномъ, который писалъ и мою прабабушку. Работа была одна и та же. Петръ Даниловичъ на портретѣ былъ лѣтъ на двадцать моложе, чѣмъ я его видѣлъ въ дѣйствительности, но сходство было большое.

Я помню двухъ сыновей Петра Даниловича: Михаила Петровича, отставнаго генераль-маіора генеральнаго штаба и Данила Петровича, служившаго тоже, кажется, въ генеральномъ штабѣ, но рано вышедшаго въ отставку и проживавшаго въ Камышевatomъ. Говорили мнѣ, что третій братъ, Петръ Петровичъ, служилъ въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку, имѣлъ талантъ къ живописи, но умеръ молодымъ человекомъ. Былъ и еще одинъ сынъ у Петра Даниловича, Василій Петровичъ, но о немъ я вичего не слышалъ.

Дочери Петра Даниловича, жившія въ большой дружбѣ съ моею тетей Настасьею Петровною и съ нашими вишевковскими родственниками, и весело проводившія свое дѣвическое время, рано выходили замужъ. Я помню Марью Петровну, прѣзжавшую въ Петрашовку со своимъ мужемъ, Адрианомъ Сергѣевичемъ Плетневымъ, изъ Кіевской губ., и рано овдовѣвшую Елизавету Петровну Гудимъ-Левковичъ, жившую въ Елизаветградѣ.

Петръ Даниловичъ умеръ въ 1843 г., переживъ моего дѣда на два года. Вскорѣ послѣ его смерти въ Петрашовкѣ поселился старшій его сынъ, Михаилъ Петровичъ, со своею молодою красавицею женою Надеждою Яковлевною и сыномъ Петромъ. Маленькому Петѣ тогда только что исполнился годъ.

Я хорошо помню первое знакомство моихъ родителей съ этимъ семействомъ. Это было въ первый день Свѣтлаго праздника. Какъ всегда, мы были у заутрени и обѣди въ

Кирьяковкѣ, а къ вечерней службѣ поѣхали въ Броварки. Тамъ были всѣ вишеньковскіе, и послѣ службы Татьяна Ивановна пригласила къ себѣ всѣхъ насъ, а также и пріѣзжавшихъ въ первый разъ въ церковь новыхъ петрашовскихъ родственниковъ.

Всѣ, увидѣвшіе въ первый разъ Надежду Яковлевну, были буквально поражены ея красотой; ей въ то время едва ли минуло восемнадцать лѣтъ. Безусловно изящныя черты ея лица, нѣжныя, какія я видѣлъ потомъ на постеляхъ Латура, одухотворялись мечтательными глазами и какимъ-то пѣвучимъ звукомъ голоса, въ которомъ слышалась и дѣтская наивность, и нѣкоторая избалованность. Она до сихъ поръ ничего не знала, кромѣ Петербурга, съ его столичными развлеченіями и удовольствіями, и собираясь въ Петрашовку, даже не представляла себѣ, что такое малорусская деревня. Ея нѣкоторая растерянность и неувѣренность какъ будто придавали ей новое очарованіе.

Михаилъ Петровичъ былъ на десять лѣтъ старше моего отца. Въ то время ему было уже около пятидесяти лѣтъ. Онъ былъ тогда еще въ военномъ сюртукѣ съ полковничьими эполетами, помню, что онъ былъ съ палочкой и хромаль, но это было случайно: онъ ушибъ себѣ ногу въ дорогѣ. Ростъ былъ онъ средняго, держался нѣсколько сутуловато и говорилъ онъ какъ человѣкъ, привыкшій высказывать опредѣленныя и безспорныя мнѣнія. Но онъ съ перваго же знакомства, видимо, старался установить добрыя родственныя отношенія и съ моимъ отцомъ, и съ Иваномъ Ивановичемъ.

Петрашовка оживилась. Домъ обновили, обставили его на новый ладъ, рядомъ съ портретами Петра Давиловича и Маріи Михайловны появились два большіе поколѣнные портрета Михаила Петровича и Надежды Яковлевны. Образовался довольно большой кругъ знакомыхъ, сѣзжавшихся въ званые дни. Всѣ преклонялись передъ Надеждой Яковлевной какъ передъ красавицей и передъ существомъ не нашего, не будничнаго малорусскаго круга. Она, однако, сколько помню, не сходилась блиско съ мѣстными дамами. При ней, въ Петрашовкѣ, всегда проживала ея родственница Луиза Романовна Гейнрихсенъ, и компаньонка полька Костуся, и это составляло домашній кружокъ, который

вмѣстѣ съ заботами о дѣтяхъ наполнялъ ея существованіе ¹⁾).

Съ моею мамой она поддерживала хорошія отношенія. Помню, что какъ разъ въ то время, въ одномъ изъ нашихъ толстыхъ журналовъ печатался переводъ Вѣчнаго Жида. Она присылала или привозила номера журнала и дѣлилась иногда съ мамой своими впечатлѣніями. Случилось, что за нѣсколько мѣсяцевъ до поступленія моего въ пансіонъ отъ насъ отошла моя гувернантка; Надежда Яковлевна любезно предложила моему отцу присылать меня черезъ день въ Петрашовку, для занятій съ нею французскимъ языкомъ; эти поѣздки продолжались мѣсяца два, до весны и, я думаю, были для меня не бесполезны.

Очень сошлась съ Надеждой Яковлевной Анна Ивановна. Казалось бы, что могло быть общаго между молодой избалованной столичной дамой и пожилой старосвѣтской малорусской дѣвицей, однако эти отношенія оставались неразрывными до самой смерти Анны Ивановны.

Михаилъ Петровичъ поддерживалъ добрую связь съ моимъ отцомъ. Одно время рѣшили было собираться еже-недѣльно по очереди въ Петрашовкѣ, у насъ и въ Вишневкахъ, и одну зиму дѣйствительно сѣзжались; потомъ это какъ-то разстроилось, но онъ любилъ иногда провести у насъ зимній вечеръ и потолковать съ моимъ отцомъ.

Михаилъ Петровичъ умеръ въ 1853 г.

Въ „Сѣверной Пчелѣ“ 14 іюля этого года ему былъ посвященъ небольшой некрологъ, написанный Иваномъ Григорьевичемъ. Вотъ его содержаніе: „28 мая 1853 года, въ одиннадцать часовъ утра, Полтавской губерніи, Кременчугскаго уѣзда, въ деревнѣ Петрашовкѣ, кончилъ свое земное поприще отставной генераль-маіоръ генеральнаго штаба, Михаилъ Петровичъ Бутовскій, на 58 году отъ рожденія. Въ безпредѣльной горести оставилъ онъ прекрасную, молодую жену, съ малолѣтними сыномъ и тремя дочерьми; оставилъ безутѣшными и своего родного брата, близкихъ родныхъ и друзей, любившихъ его искренно. Покойный Михаилъ Петровичъ былъ примѣрный слуга Государю и Отечеству и многократно, за отличную службу, былъ щедро награждаемъ. Дѣятельный и точный исполнитель въ про-

¹⁾ Съ Луизой Романовной я встрѣтился черезъ штыдесять лѣтъ, въ 1896 г., въ Аеннахъ, въ первый день Пасхи, въ домѣ нашего посланника г. Ову. Въ братъ былъ русскимъ консуломъ въ Греціи. Свиданіе было пріятное и много было воспоминаній...

долженіе своего долговременнаго служенія, онъ такимъ же былъ неусыпнымъ и попечительнымъ хозяиномъ и въ своемъ родовомъ имѣніи: его уже вѣтъ, но гдѣ трудился онъ, видны во всемъ изобиліе и удивительный порядокъ. Подъ кровлею его крестьянъ нигдѣ не замѣтно нищеты, повсюду видишь довольство и не встрѣтишь людей праздныхъ.—Вѣчная память тебѣ, добрый и честный человѣкъ!»

Надежда Яковлевна, вышедшая замужъ за Евгенія Антоновича Рейбота, умерла только въ 1914 г., на девяностомъ году своей жизни.

Кромѣ сына Петра у Михаила Петровича было еще три дочери: Марія, Софія и Ксенія.

Съ маленькимъ Петей, въ его дѣтствѣ, я видѣлся довольно часто, но я былъ на четыре года старше его, и потому у насъ не могло быть очень тѣснаго товарищества. Къ тому же девяти лѣтъ, въ 1847 г., я поступилъ уже въ пансіонъ въ Полтавѣ, и мы на долгіе годы потеряли другъ друга изъ вида. Онъ воспитывался въ училищѣ Правовѣдѣнія и всю свою жизнь провелъ на службѣ въ судебномъ вѣдомствѣ. Судьба свела меня съ Петромъ Михайловичемъ гораздо позднѣе, когда мы оба приближались уже къ старости. Онъ занималъ тогда высокіе посты оберъ-прокурора въ Сенатѣ, товарища министра юстиціи, члена Государственнаго Совѣта. Въ его отношеніяхъ ко мнѣ я видѣлъ доброе, истинно родственное расположеніе. Онъ былъ пріятный, обходительный человѣкъ, европейски образованный и чуткій къ общественнымъ интересамъ. Это былъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ умеръ въ 1912 г., на два года раньше своей матери.

Обращаясь мыслью къ нашимъ сосѣдямъ-помѣщикамъ, я могу сказать, что дѣтство мое совпало съ интереснымъ періодомъ въ жизни малорусскаго дворянства, — интереснымъ не съ исторической, а съ бытовой стороны.

Петръ Давиловичъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей старинныхъ малорусскихъ пановъ, которые помнили еще времена казачества и въ обиходѣ своемъ, несмотря иногда на большіе достатки, мало отличались отъ простаго рядового малорусскаго человѣка. Я помню и другихъ такихъ же старыхъ людей въ числѣ знакомыхъ моего дѣда, людей солидныхъ, по большей части крѣпкихъ и сильныхъ; они ходили въ какихъ-то долгополыхъ

не то сюртукахъ, не то казакинахъ, говорили уже не совсемъ по-малорусски, но не могли еще хорошо справиться съ русской рѣчью.

Рядомъ съ моимъ дѣдомъ и Петромъ Даниловичемъ передо мною какъ живые стоятъ старикъ Бѣлашъ, старый князь Мещерскій, проживавшій въ Кагамлычкѣ, у гребли, Андрей Федоровичъ Барло-Якубовичъ изъ Марына, Григорій Семеновичъ Мацокъ. Къ такимъ же стародавнимъ людямъ я могу отнести даже и Александра Захарьевича Лисенко, чудесно пѣвшаго малорусскія пѣсни.

Многіе изъ нихъ охотно бывали у моего дѣда и продолжали бывать у моего отца, который относился къ нимъ съ уваженіемъ.

Это были люди той эпохи, къ которой относятся старосвѣтскіе помѣщики, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ; они были близки къ типамъ Котляревскаго и Осповьяненко. Я не хочу сказать, что у всѣхъ у нихъ было всегда что-либо карикатурное.—о нѣтъ, у такого большого барина, какъ Петръ Даниловичъ, мало было сторожъ, поддающихся насмѣшкѣ, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было иногда найти черты, напоминавшія и Вознаго и даже Павла Халывскаго. Я помню, напримѣръ, у одного изъ такихъ людей, въ его гостиной на видномъ мѣстѣ, оправленную въ хорошую рамку обыкновенную „подорожную“, на томъ основаніи, какъ онъ объяснялъ не безъ гордости, что и онъ ѣздилъ разъ въ жизни по Высочайшему указу.

Бывали между ними и такіе господа, которые не умѣли рѣзать мясо обыкновеннымъ ножомъ и вилкой; въ ихъ молодости не было еще въ ихъ кругѣ этихъ орудій. Когда подавали мясное блюдо, такой господинъ вынималъ изъ кармана свой собственный складной ножъ, а вмѣсто вилки просто работалъ пальцами лѣвой руки. Если того требовали обстоятельства, то онъ добродушно извинялся, объясняя, что и папенька его, хорунжіи или военныи, всегда кушалъ за столомъ такимъ простымъ способомъ.

На моихъ глазахъ совершался переходъ отъ этого добраго стараго времени къ новому. Старики сходили со сцены; на ихъ мѣсто появлялись новые люди. Это уже были современники моего отца и, какъ я припоминаю, все больше отставные военные въ небольшихъ чинахъ.

Недаромъ одинъ изъ нашихъ остроумныхъ писателей изъ малороссовъ замѣтилъ, что Россія, при всѣхъ своихъ богатствахъ, всего богаче отставными поручиками.

Недалеко отъ насъ, почти противъ Градижска, за Днѣпромъ, въ Крыловѣ или, какъ его называли, въ Новогеоргиевскѣ, стоялъ Орденскій кирасирскій полкъ. Наши молодые сосѣди въ большинствѣ отиравались служить въ этотъ полкъ и, прослуживъ нѣскольکو лѣтъ, возвращались въ семейные очаги, обзаводились семействомъ и осѣдали на хозяйствѣ.

Изъ этихъ представителей новаго поколѣнія и именно отставныхъ кирасирскихъ офицеровъ я долженъ вспомнить прежде всего Валерьяна Александровича Булюбиша. Онъ жилъ верстахъ въ десяти отъ насъ въ селѣ Столбовахѣ. Бодрый человѣкъ съ рѣшительнымъ голосомъ и громкимъ смѣхомъ, онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ и часто бывалъ у насъ. Онъ и мой отецъ помнили другъ друга еще дѣтьми, и я былъ сверстникомъ его дѣтей; ихъ у него было четверо: Николай, Григорій, Александръ и Федоръ. Со всѣми ими, особенно съ Николаемъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и охотно встрѣчался, прѣзжая домой уже много лѣтъ спустя.

Но Валерьянъ Александровичъ рано умеръ и оставилъ свои дѣла въ очень запутанномъ положеніи. Онъ былъ легкомысленъ и недѣловитъ и любилъ играть въ карты. Сыновья росли на рукахъ матери, Амаліи Осиповны, большого друга моей мамы. Эта замѣчательная, энергичная и своеобразная женщина задалась задачею не только разумно воспитать своихъ дѣтей, но и восполнить все то въ имущественномъ отношеніи, что было запущено ея мужемъ; и подъ старость она могла съ гордостью говорить, что хорошо сдѣлала свое дѣло. Сыновья ея получили хорошее образованіе, трое изъ нихъ окончили Кіевскій университетъ; добросовѣстно работали на служебномъ и на общественномъ поприщѣ и были люди съ обезпеченнымъ состояніемъ.

Амалія Осиповна отличалась оригинальными чертами, и этимъ подавала поводъ къ разговорамъ и даже къ насмѣшкамъ въ сосѣдствѣ. Но это была благородная, прямая и смѣлая натура. Маленькая, худенькая, подвижная и рѣшительная, она держала въ повиновеніи своего мужа, она умѣла привязать къ себѣ своихъ дѣтей и твердо хранила помѣщичьи барскія традиціи до конца своей жизни. Рассказывали, какъ въ Кременчугѣ на вокзалѣ, ея лакей, бывшій крѣпостной Карпо, торжественно подавалъ ей на столъ поставленный имъ домашній самоваръ и ставилъ домашній

чайный приборъ; рассказывали, какъ, прѣзжая въ гости, она заперла дверцы своей кареты особннымъ замкомъ, чтобы тотъ же Карпо не сѣлся въ нее отдыхать; много ходило толковъ и о другихъ ея странностяхъ, но все это были или выдумки, или большіе пустяки, въ виду ея большихъ положительныхъ достоинствъ. Замѣчательно, что до глубокой старости она не утратила своей живости, не потеряла хорошаго тона своей молодости, любила пересыпать свою рѣчь французскими словами и одѣвалась по модѣ 30-хъ—40-хъ годовъ.

Къ числу отставныхъ офицеровъ Орденскаго кирасирскаго полка принадлежали также Виталій Романовичъ и Андрей Романовичъ Лисенки и Александръ Александровичъ Деконоръ.

Виталій Романовичъ Лисенко былъ женатъ, въ Гринькахъ, на воспитанницѣ или родственницѣ Николая Павловича Булюбаша, Ольгѣ Еремѣевнѣ, и вѣялъ за женою большое состояніе. Это былъ милый человѣкъ, шутникъ, говорунъ, распространитель нелѣпныхъ рассказовъ, но имѣніе свое прожилъ и подъ старость служилъ мировымъ посредникомъ по назначенію, въ Западномъ краѣ. Это былъ отецъ талантливаго малорусскаго музыканта и композитора Николая Витальевича Лисенко, автора оперы „Різдвяна нічъ“ и собирателя малорусскихъ пѣсенъ. Николай Витальевичъ былъ моимъ сверстникомъ, но я видѣлся съ нимъ гораздо рѣже, чѣмъ съ Булюбашами.

Андрея Романовича, жившаго въ Галицкомъ, на Сулѣ, я не зналъ. Александръ Александровичъ Деконоръ, женатый на Наталіи Николаевнѣ Лисенко, жилъ въ верстахъ въ восьми отъ насъ, въ Николаевкѣ, по дорогѣ въ Тигринъ-Дуброву. Онъ былъ пріятный, остроумный человѣкъ, любившій приять у себя сосѣдей, и славился отличнымъ хозяиномъ. Однако, въ концѣ концовъ онъ ничего не оставилъ своему семейству, и Николаевка давно уже находится въ чужихъ рукахъ.

Верстахъ въ десяти отъ насъ, Теренякахъ, Хорольскаго уѣзда, поселились въ отцовскомъ имѣніи тоже молодые отставные офицеры, кажется уланскаго полка, Николай Осиповичъ и Андрей Осиповичъ Милькевичи. Это были почтенные люди и добрые сосѣди. Сыновья Николая Осиповича были сверстниками моихъ братьевъ по Полтавскому корпусу, а дочь, Софія Николаевна, была соученицей моей сестры Маріи Дмитріевны въ Полтавскомъ институтѣ.

Изъ обширнаго круга нашихъ сосѣдей и знакомыхъ того отдаленнаго времени, я назову еще Леонтія Дмитріевича Пестржецкаго и Адама Алексѣевича Кирьякова.

Леонтіи Дмитріевичъ былъ полковникъ въ отставку, служилъ еще въ 1812 г. и, женившись въ нашихъ мѣстахъ, основался въ селѣ Мозолѣвкѣ, въ верстахъ восьми отъ насъ, на спускѣ къ днѣпровскимъ плавнямъ. Это былъ пожилой уже человекъ, но совсѣмъ другого разбора, чѣмъ тѣ старые люди, о которыхъ я только-что говорилъ. У него сохранялась военная выправка, была какая-то солидность и сдержанность чиновныхъ людей того времени, и можетъ быть даже нѣкоторый гоноръ, свидѣтельствующій о его польскомъ происхожденіи. Супруга его была изъ рода Кулябокъ-Корецкихъ. Пестржецкіе были въ дружественныхъ отношеніяхъ съ моими родителями. Младшая ихъ дочь, Марья Леонтьевна, была моею ровесницею; другая дочь Юлія Леонтьевна и два сына, Андрей и Иларій, были старше меня. Съ Андреемъ Леонтьевичемъ мнѣ приходилось часто встрѣчаться позднѣе, въ 60-хъ годахъ, когда онъ былъ у насъ мировымъ посредникомъ, и мы были съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ.

Адамъ Алексѣевичъ Кирьяковъ былъ сынъ Алексѣя Степановича, жившаго въ Кирьяковкѣ, въ трехъ верстахъ отъ насъ.

Кирьяковы были вообще видными людьми въ нашемъ околоткѣ въ старое время. Ихъ было два родныхъ брата: Григорій Степановичъ въ Броваркахъ и Алексѣй Степановичъ въ Кирьяковкѣ. Не знаю, были ли они тутъ старожилами или пришлыми людьми, но люди они были богатые и, кажется, держали себя не близко со своими сосѣдами.

Григорій Степановичъ былъ женатъ на Наталіи Сергѣевнѣ Плетневой и имѣлъ сына Степана Григорьевича, поселившагося въ Лубенскомъ уѣздѣ, въ Гонцахъ. Я говорилъ уже и о Степанѣ Григорьевичѣ и о Наталіи Сергѣевнѣ въ моихъ прежнихъ воспоминаніяхъ („Прекратившіяся родъ“) и теперь возвращаться къ нимъ не буду.

У Алексѣя Степановича было два сына: Алексѣй Алексѣевичъ и Адамъ Алексѣевичъ. Изъ писемъ моего дѣда я вижу, что Алексѣй Алексѣевичъ зналъ моего отца еще въ ранней молодости и считалъ его даже своимъ другомъ. Гдѣ воспитывался и служилъ Алексѣй Алексѣевичъ, я не знаю, но женившись онъ поселился въ другомъ имѣніи своего отца, Сивжковѣ, Валковскаго уѣзда, Харьковской

губ., и бывалъ въ Кирьяковкѣ очень рѣдко. Я видѣлъ его, кажется, всего одинъ разъ; встрѣчаясь съ моимъ отцомъ, онъ всегда выказывалъ ему истинное дружеское расположеніе.

Адамъ Алексѣевичъ воспитывался въ Царскосельскомъ лицей, служилъ въ военной службѣ, гдѣ-то въ Польшѣ, вышелъ въ отставку еще при жизни своего отца, женился на Марьи Ѳедоровнѣ Богдановичъ, родной племянницѣ извѣстнаго военнаго писателя Модеста Богдановича, и поселился въ Кирьяковкѣ.

Алексѣй Степановичъ умеръ приблизительно въ годъ моего рожденія; я о немъ мало слышалъ, знаю только, что онъ построилъ кирьяковскую церковь во имя митрополита Алексѣя, котораго и я считаю своимъ святымъ.

Адама Алексѣевича и Марью Ѳедоровну я помню очень хорошо. Это были и близкіе сосѣди, и близкіе друзья моего отца и моей матери.

Адамъ Алексѣевичъ былъ мягкій, отзывчивый человекъ, и у него было то широкое литературное и гуманитарное образованіе, которое давалъ Царскосельскій лицей въ славные ранніе годы своего существованія. Марья Ѳедоровна была премилая и предобрая женщина, талантливая — она хорошо рисовала — и безъ всякихъ претензій.

У нихъ было три дочери: Надежда, Александра и Юлія. Старшая была моею ровесницею.

Мы часто видѣлись. Они охотно бывали у насъ, совсѣмъ запросто, и родители платили имъ тѣмъ же. Нерѣдко, простоявъ обѣдню въ церкви, они оставались обѣдать у Кирьяковыхъ.

Но мы не долго пользовались этимъ дружескимъ соседствомъ. Въ 1846 г. Адамъ Алексѣевичъ былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и поселился въ Кременчугъ, а въ 1848 г. и онъ, и Марья Ѳедоровна умерли въ одинъ и тотъ же день, отъ свирѣпствовавшей въ томъ году холеры.

Малодѣтнія дочери переѣхали въ Снѣжковъ и воспитывались у своей тетки Александры Ивановны, вдовы Алексѣя Алексѣевича, вмѣстѣ съ его дочерью, Анной Алексѣевной.

Отецъ мой былъ назначенъ ихъ опекуномъ въ Кирьяковкѣ и несъ эту обязанность больше десяти лѣтъ безвозмездно.

Припоминая мои раннія впечатлѣнія въ Кирьяковкѣ, я хочу отмѣтить, что тамъ, въ этомъ домѣ, не очень боль-

помѣ || не изысканно обставленномъ, я въ первый разъ увидѣлъ большія, художественныя гравюры. Мнѣ какъ теперь видится огромная Аврора Гвидо Рени, работы Моргена, оправленная въ массивную золотую раму. Я тогда уже засматривался на нее и меня занималъ и ея сюжетъ — лошади, движущіяся фигуры „часовъ дня“, летящая Аврора, море, облака,—и мягкіе переливы тоновъ. Моя милая мама, вмѣстѣ съ Марьей Федоровной старались обратить мое вниманіе на изящныя стороны этого произведенія.

Въ этомъ же домѣ отецъ мой увидѣлъ только что вышедшее тогда французское педагогическое сочиненіе m-me Amable Tastu—„Education Maternelle“. Онъ тотчасъ же выписалъ его для меня, и я учился по этимъ книжкамъ и французскому чтенію, и французскому письму, я выучилъ много заключающихся въ нихъ стихотвореній, учился по нимъ географіи, и была даже такая книжка „Récitation“, по которой Юлія Осиповна развлекала меня въ праздничные дни сказками, нравоучительными рассказами и загадками. Въ книжкахъ были превосходные для того времени политипажи, которые доставляли мнѣ много удовольствія.

Въ 1855 г. Надежда Адамовна вышла замужъ за Ивана Степановича Кирьякова, своего родственника, сына Степана Григорьевича. Онъ получилъ въ наслѣдство имѣніе въ Броваркахъ, и такимъ образомъ броварское и кирьяковское имѣнія слились въ одно огромное неразрывное цѣлое.

Иванъ Степановичъ умеръ лѣтъ черезъ пять, проживъ свое броварское имѣніе; года черезъ два Надежда Адамовна вышла замужъ за Виталія Ивановича Горпинченко и поселилась въ Кирьяковкѣ. Горпинченко умеръ въ 1874 г., Кирьяковка была продана съ публичнаго торга, и съ тѣхъ поръ въ нашихъ мѣстахъ нѣтъ никакихъ воспоминаній ни объ Адамѣ Алексѣвичѣ, ни о другихъ Кирьяковыхъ, жившихъ въ Кирьяковкѣ и Броваркахъ.

XI.

Въ 1845 г., въ наши мѣста пріѣхалъ родственникъ, о которомъ давно уже никто не вспоминалъ и котораго никто даже не зналъ лично, такъ какъ еще съ конца XVIII столѣтія онъ выбылъ изъ отцовскаго имѣнія и съ тѣхъ поръ никогда въ него не возвращался.

Это былъ Иванъ Григорьевичъ, сынъ служившаго когда-то въ желтыхъ гусарахъ капитана Григорія Александровича Бутовскаго. Онъ приходился, слѣдовательно, двоюроднымъ братомъ моему дѣду и дядей моему отцу.

Хорошо помню первый визитъ его къ намъ. Человѣкъ уже немолодой, лѣтъ шестидесяти, но прямой и добрый, худощавый, съ крупными чертами продолговатаго лица, съ волосами, еще не сѣдыми, зачесанными съ обѣихъ сторонъ на лысину и съ маленькими бакенбардами, какія носили въ александровское время; въ походкѣ, въ манерѣ, во взглядѣ, какая-то хорошая сдержанность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свобода, показывающая человѣка порядочнаго общества. Костюмъ не нашъ, не провинціальныи, а именно что-то тогдашнее визитное.

Отецъ мой принялъ его почтительно, но сдержанно; однако уже къ концу этого перваго посѣщенія онъ былъ уже не только заинтересованъ, но даже почти очарованъ Иваномъ Григорьевичемъ. Прощаясь, онъ называлъ его уже просто „дядюшка“.

По его отъѣздѣ онъ съ удивленіемъ рассказывалъ мамѣ, что этотъ человѣкъ, всю свою жизнь вращавшійся въ столичномъ обществѣ, привыкшій къ утонченнымъ формамъ жизни, человѣкъ много писавшій и печатавшій свои произведенія, намѣренъ теперь поселиться въ своемъ маленькомъ имѣніи, въ Пронозовкѣ, гдѣ у него нѣтъ ни усадьбы, ни дома. Онъ остановился теперь въ избѣ одного изъ своихъ крестьянъ и думаетъ прожить въ ней пока не выстроитъ себѣ порядочнаго домика на бывшемъ господскомъ грунтѣ.—А между тѣмъ,—говорилъ отецъ,—этотъ человѣкъ имѣлъ большія средства въ Петербургѣ, жилъ въ собственномъ домѣ, имѣлъ связи въ самомъ высшемъ кругу“...

Все это было такъ необыкновенно, что приходилось только разводять руками.

Мнѣ вѣкогда не случалось слышать обстоятельнаго разсказа, почему Иванъ Григорьевичъ рѣшился выйти въ отставку и жить въ Пронозовкѣ. Говорили всегда какъ то глухо, что онъ долго служилъ въ Комисаріатскомъ департаментѣ, чуть ли еще не съ 1810 г., что онъ занималъ тамъ большія должности, но что въ концѣ тридцатыхъ или въ началѣ сороковыхъ годовъ, начальникъ этого департамента, генералъ П., растратилъ огромную казенную сумму и застрѣлился. Добавляли къ этому, какъ-то еще болѣе

гадательно, что чины Комисаріата, во избѣжаніе слѣдствія, рѣшили восполнить растраченную сумму, и это будто бы, и привело къ тому, что многіе изъ нихъ лишились своего состоянія.

Такъ ли это было или нѣтъ,—передаю то, что слышалъ. Долженъ однако особенно добавить, что никогда никто не говорилъ по этому поводу чего-нибудь такого, что могло быть истолковано не въ пользу Ивана Григорьевича.

Но ни это одно въ судьбѣ этого человѣка составляло вопросъ, надъ которымъ можно было задуматься. Въ 1801 г., какъ значится въ „Родословной“, ему было 16 лѣтъ и служилъ онъ канцеляристомъ въ Кіевскомъ губернскомъ правленіи; образованіе онъ получилъ очевидно домашнее; откуда же у него это прекрасное званіе французскаго языка, эти его литературныя наклонности, этотъ свѣтскій пошибъ, дѣлающій его замѣтнымъ во всякомъ обществѣ?

Въ нашемъ провинціальномъ кругу, когда онъ былъ уже старикомъ, говорили, что никто такъ не умѣетъ изящно поцѣловать дамскую ручку, какъ Иванъ Григорьевичъ; въ Петрашовкѣ Надежда Яковлевна всегда приглашала его своимъ кавалеромъ, чтобы итти къ обѣденному столу и обращалась къ нему обыкновенно по французски. Наши кавалеры изъ молодыхъ подсмѣивались надъ его старческой галантностью. Но имъ далеко было до Ивана Григорьевича. Его манеры были какъ будто врождены ему; въ нихъ не было рѣшительно ничего дѣланнаго или намѣреннаго.

По поводу этихъ званыхъ обѣдовъ въ Петрашовкѣ, припоминаю, что какъ-то, гораздо позднѣе, уже въ шестидесятихъ годахъ, ѣхалъ я съ нимъ мимо этой деревни.

— „Весело тутъ жили при Михайлѣ“—замѣтилъ онъ мнѣ.—„всѣ тогда были влюблены въ эту красавицу“...

И посмотрѣлъ на него вопросительно.

— „Да, и меня это не миновало; вѣдь это фатумъ, отъ этого не уйдешь“... И старый человѣкъ вздохнулъ и задумался...

Вотъ какъ онъ самъ рассказываетъ о своей молодости, въ одной изъ своихъ статей¹⁾.

¹⁾ Фельдмаршалъ князь Кутузовъ при концѣ и началѣ своего боевого поприща.—Первая война императора Александра I съ Наполеономъ I, въ 1805 г. соч. И. Бутовскаго. (Изъ №№ 64—69-го „Русскаго Кивалида“ 1858 г.).

„На восьмомъ десяткѣ лѣтъ мною пройденной жизни, перебирая въ памяти былое, сколько открываю различія между прошедшимъ и настоящимъ, между Россіей временъ Екатерины и Павла, и тою, которую видимъ нынѣ во всемъ ея блескѣ и крѣпости“!

„Изъ эпохи достопамятнаго царствованія Екатерины Великой, помню хорошо одно только 24-е ноября, день тезоименитства нашей безсмертной царицы. Хотя я былъ еще мальчикомъ и дѣтство мое протекло въ самой глуши, но и тамъ всѣ сословія ожидали этого дня съ особыми приготовленіями и, празднуя его, ликовали имя своей Августѣйшей Благодѣтельницы, такъ сказать, въ запуски... Что во дни Ея владычества народъ блаженствовалъ, о томъ былъ общій голосъ. Не разъ доводилось слышать похвалы Ея „Наказу“; не понимая значенія этого слова, и толкуя его въ превратномъ смыслѣ, я дивился, что превозносятъ розгу, которая такъ пугала меня, и была тогда въ обычномъ употребленіи при воспитаніи дѣтей“...

„Еще до вступленія на солдатское поприще, съ дѣтства мною либомое, я уже, на 14-мъ году жизни, считался на службѣ съ октября 1798 года по части гражданской. Покойная матушка моя, оставшись вдовою, слишкомъ рано оторвала меня отъ наукъ и опредѣлила въ Кіевское Губернское Правленіе; въ этомъ-то правительственномъ мѣстѣ, не смотря на юныя лѣта, въ памяти моей сильно запечатлѣлись замѣчательные годы царствованія Императора Павла Петровича. Наиболѣе мнѣ вѣзались въ душу—неимовѣрная быстрота и точное исполненіе его царскихъ велѣній. Какъ вѣкимъ волшебствомъ, почти одновременно, были прорѣзаны по всѣмъ направленіямъ Имперіи нынѣ существующія широкія столбовыя дороги; вмѣстѣ съ тѣмъ учреждены по городамъ и селамъ, даже по деревнямъ и деревушкамъ, шлагбаумы. Безъ вида отъ сельскаго старшины или сотскаго, далѣе пяти верстъ отъ мѣста жительства, никто не могъ пройти: и въ самое короткое время прекратилась разбои, дотолѣ наводившіе повсемѣстный ужасъ!... При столь крутыхъ, во общеполезныхъ перемѣнахъ, послѣдовало измѣненіе и по части военной: русскія войска явились въ новой формѣ, она была несравненно сложнѣе и тяжелѣе формы временъ Екатерины II, однако это не помѣшало Суворову громить французовъ... Часто я, разиня ротъ, восхищался русскимъ строемъ, и грустилъ, что запрещали послѣдовать непреодолимому влеченію вету-

пить въ ряды солдатъ. На инспекторскихъ смотрахъ, особенно во время прохожденія корпусовъ черезъ Кіевъ, на сборные пункты подъ Черниговъ, я день въ день, съ утра до вечера, торчалъ на площадяхъ, и съ завистью смотрѣлъ на служивую молодежь; прибывшіе изъ Италіи и того болѣе волновали кровь; многіе изъ офицеровъ имѣли по два или по три креста... Это приводило меня въ отчаяніе до того, что мнѣ хотѣлось бѣжать изъ Губернскаго Правленія въ первый ближайшій полкъ“...

„Съ небольшимъ черезъ годъ по воцареніи Александра, обнародованъ указъ: что русскій дворянинъ, первоначально не служившій въ военной службѣ, не можетъ быть принятъ къ статскимъ дѣламъ“.—Содержаніе указа, ясно опредѣлявшее прямую обязанность дворянина, вступающаго на поприще служенія, еще болѣе побудило меня перемѣнить родъ службы. Хотя я уже состоялъ въ чинѣ Коллежскаго Регистратора, однако считалъ позволительнымъ, вопреки запрещенію моей матери, промѣнять перо на шишу. Чтобъ скорѣе отдѣлаться отъ чернилъ, я не долго медлилъ и, написавъ на Высочайшее имя прошеніе, явился къ военному губернатору Тормасову. При выходѣ Тормасова къ просителямъ, чуждость моя и лѣта обратили его вниманіе; онъ прямо подошелъ ко мнѣ, и я подалъ ему просьбу; пробѣжавъ ее съ улыбкой, онъ спросилъ меня: „Ты желаешь, голубчикъ, служить подъ ружьемъ?“—Точно такъ!—Да знаешь ли, что не иначе будешь принятъ какъ подпорщикомъ: ты теряешь статскій чинъ.—Знаю, отвѣчалъ я,—но готовъ служить даже рядовымъ“! Военный губернаторъ взглянулъ на приблизившагося къ намъ генерала Дмитрія Сергѣевича Дохтурова, и, взявъ меня за подбородокъ, сказалъ: „Поздравляю, ты принятъ“. Дохтуровъ тутъ же хлопоталъ о назначеніи меня въ Московскій мушкатерскій полкъ, котораго онъ былъ шефомъ, и ласково приказалъ мнѣ явиться къ нему на квартиру. Эта сцена, столь торжественная на страницахъ моей жизни, происходила 16 декабря 1808 г. Черезъ два дня я уже былъ обмундированъ, и, сколько помню, отъ радости не чувствовалъ подъ собой земли: такъ было на душѣ весело, что попалъ въ защитники отечества и надѣлъ военный мундиръ“...

„Инспекторскій адъютантъ Галіонка велѣлъ мнѣ явиться къ капитану Клименку, въ 5-ю мушкатерскую роту, занимавшую квартиру въ двухъ большихъ селахъ, на лѣвой

сторонѣ Днѣпра. Г. Клименко обошелся со мной привѣтливо и далъ мнѣ въ дядьки бойкаго ефрейтора Качалова. Цѣлый мѣсяцъ прослужилъ я за простого рядового и Качаловъ усердно преподавалъ лекціи въ ружейныхъ приѣмахъ и маршировкѣ”...

„Апрѣля 26-го 1805 г. меня произвели въ портупей-прапорщики, съ переводомъ во вторую гренадерскую роту. Въ томъ же году объявленъ походъ въ австрійскіе предѣлы”...

„17-го августа мы перешли русскую границу въ Радзивиловѣ”...

Таково было начало карьеры Ивана Григорьевича.

Мнѣ искренно жаль, что не могу привести здѣсь многихъ военныхъ и бытовыхъ чертъ изъ его талантливой статьи. Но это заняло бы слишкомъ много мѣста и отклонило меня отъ моего сюжета.

Иванъ Григорьевичъ сдѣлалъ всю кампанію 1805 г. въ званіи портупей-юнкера и былъ знаменщикомъ въ своемъ баталіонѣ. Въ Ольмюцѣ онъ впервые увидѣлъ императора Александра I, и съ тѣхъ поръ проникся какимъ-то благоговѣйнымъ чувствомъ къ особѣ этого монарха.

Подъ Аустерлицемъ, въ виду рѣшительнаго наступленія врага, онъ сорвалъ знамя съ древка и обмоталъ его вокругъ тѣла подъ мундиромъ; тутъ же, въ схваткѣ, онъ былъ раненъ въ голову, но не покинулъ строя.

Иванъ Григорьевичъ сдѣлалъ также всю кампанію 1807 г. и принималъ участіе въ Финляндской войнѣ въ 1807—9 г.г.

Когда онъ былъ произведенъ въ офицеры и былъ ли онъ произведенъ, мнѣ неизвѣстно, но въ 1812 г. онъ служилъ уже въ учрежденіяхъ по снабженію арміи.

Эти свѣдѣнія не даютъ намъ отвѣта на вопросъ, гдѣ и какъ юноша изъ тогдашнихъ захоластныхъ дворянъ могъ получить широкое европейское образованіе и развить въ себѣ литературные интересы, но они рисуютъ намъ его какъ человѣка энергичнаго и очень расторопнаго. Такіе люди не теряются въ жизни.

Когда онъ пріѣхалъ въ Пронозовку, за нимъ были уже почтенные литературные труды. Онъ перевелъ „Исторію крестовыхъ походовъ“ Мишо, въ пяти томахъ. Первые два тома вышли вторымъ изданіемъ въ 1841 г.; три послѣдніе тома не имѣли кажется 2-го изданія и относятся къ 1835—36 г.г. (Печатано въ военной типографіи). Это была серьезная ра-

бота, стоившая ему большого труда. Позднѣе въ 1843 г. онъ перевелъ Мысли Паскаля (печ. въ тип. Бачарова). Онъ написалъ также еще въ Петербургѣ нѣсколько оригинальныхъ статей, изъ которыхъ я назову очень патріотическую брошюру „Объ открытіи памятника императору Александру I“. Спб., въ типографіи Н. Греча 1834.

Онъ продолжалъ работать и въ Прозовкѣ. Такъ онъ помѣстилъ въ Русскомъ Инвалидѣ 1858 г. статью, изъ которой взята только что приведенная выдержка, „Первая война императора Александра I съ Наполеономъ I въ 1805 г.“. А спустя годъ или два другую статью о Тильзитскомъ свиданіи ¹⁾. Въ томъ же журналѣ напечаталъ онъ теплую корреспонденцію о Егорѣ Ивановичѣ Бутовскомъ, которая выше была приведена въ отрывкахъ.

Знаю, что онъ оставилъ большой рукописный томъ своихъ воспоминаній. По мѣрѣ того какъ шла работа, онъ прочитывалъ ее моему отцу. Гдѣ теперь эти воспоминанія мнѣ неизвѣстно.

Всѣ смотрѣли у насъ на Ивана Григорьевича какъ на живого свидѣтеля старинной жизни и старыхъ обычаевъ неизвѣстныхъ въ нашей деревенской глуши, и, когда онъ бывало воодушевится, его можно было заслушаться. Это случалось въ особенности у насъ. Мой отецъ, съ которымъ онъ сошелся ближе, чѣмъ съ кѣмъ нибудь другимъ въ нашемъ сосѣдствѣ, умѣлъ его расположить къ разговорамъ и воспоминаніямъ.

ХІІ.

Проживъ около года въ Прозовкѣ, въ простой крестьянской избѣ, Иванъ Григорьевичъ перешелъ на жителство въ выстроенный имъ новенькій домикъ, въ которомъ прожилъ до своей смерти. Этотъ домикъ, какъ и все, что касалось Ивана Григорьевича, тоже далъ пищу разговорамъ въ нашемъ сосѣдствѣ. Онъ былъ выстроенъ, какъ говорили у насъ „на юру“, на самомъ высокомъ и открытомъ мѣстѣ въ Прозовкѣ; онъ первый бросался въ глаза съ какой бы стороны вы не подѣзжали къ этому селу. Но этого мало: съ передняго входа не было ни сѣней, ни прихожей; поднявшись на нѣсколько ступеней и открывъ

¹⁾ Этой послѣдней статьи я не нашелъ у себя въ библіотекѣ.

дверь, вы прямо входили въ гостинную, самую большую и лучше другихъ обставленную комнату дома.

Все это дѣйствительно было не такъ, какъ любили устраиваться наши помѣщики въ своихъ деревенскихъ домахъ съ теплыми крѣпко запирающимися сѣнями, изъ которыхъ идутъ топки во все комнаты, съ еще болѣе теплыми передними, защищающими жилая комнаты отъ зимняго холода. Но у Ивана Григорьевича было все это съ задняго хода его домика, а передній подъѣздъ служилъ ему для наслажденія безподобными видами, открывавшимися съ этого высокаго мѣста во все стороны. Выйдя на площадку, тутъ же, передъ дверью гостиной, вы видѣли передъ собою верстахъ въ пяти, шести, живописную гору, на которой построенъ Градижскъ; вамъ ярко бросались въ глаза на заходящемъ солнцѣ его церкви и бѣлыя избы; направо, тутъ же, мимо Пронозовки, шла большая дорога, и вы могли охватить ее глазомъ всю, до самаго Градижека и даже прослѣдить ея повороты на горѣ; направо спускъ на широкіе заливные луга, и дальше Днѣпръ въ низкихъ берегахъ, совсѣмъ такой, какъ его описалъ намъ великій малорусскій поэтъ: „Глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширива . . .“. Въ то время пародовъ еще не было, но по рѣкѣ ходили довольно часто большія парусныя суда, которыя въ нашей мѣстности назывались „байдаками“. Мы, дѣти, съ величайшимъ интересомъ слѣдили за ходомъ этихъ судовъ.

Внизу, подъ Пронозовкой, плавни Ивана Григорьевича были недалеко отъ нашихъ. Во время косовицы и уборки сѣна, мы могли его видѣть издали, у его косарей, въ широкополой соломенной шляпѣ и въ просторномъ парусинномъ лѣтнемъ костюмѣ, и дѣти непременно перебѣгали къ нему черезъ чужіе луга, чтобы передать привѣтъ отъ отца и поискать новыхъ раковинъ на его берегу. Онъ встрѣчалъ насъ, какъ всегда, очень благодушно и самъ отправлялся къ отцу на наши плавни.

Случалось, что въ такіе дни мы заходили къ нему обѣдать, а иногда и ночевать.

Онъ любилъ и умѣлъ принять гостей. Его гостиная, она же и столовая была очень недурно обставлена. Это была въ сущности единственная комната, въ которой можно было расположиться съ нѣкоторымъ комфортомъ, и однако, 24-го іюня, въ день его именинъ, къ нему собралось довольно много гостей. Бывали непременно мои родители

а когда я сталъ подростать, то брали и меня, бывали Пестржецкіе — Леонтій Дмитріевичъ и Андрей Леонтьевичъ, бывала Амалія Осиповна Булюбашъ, бывала непременно Надежда Яковлевна, пока жила въ Петрашовкѣ, бывалъ Александръ Александровичъ Деконоръ съ супругою, и пріемъ бывалъ всегда на славу; всегда у него былъ не только хорошій малорусскій обѣдъ съ жареною индѣйкой, но и такіе столичные деликатессы, какихъ не знали наши мѣстные гастрономы. Былъ тутъ и лимбургскій сыръ для мужчинъ, и высокаго качества желтый чай, который разливала обыкновенно одна изъ дамъ, и вкусныя недо-модѣльныя печенья и даже бонбоньерки съ конфетами. Самъ Иванъ Григорьевичъ держалъ себя такъ, какъ будто все это въ порядкѣ вещей. Осѣвши въ деревнѣ, онъ можетъ быть и не имѣлъ уже прежняго подтянутаго вида, но у него до глубокой старости сохранилась его изысканная повадка въ обращеніи и выглядѣлъ онъ въ своей единственной пріемной комнатѣ настоящимъ родовитымъ баринномъ.

Какая же волшебная фея помогала ему быть такимъ гостепріимнымъ хозяиномъ?

У этого небогатаго Провозовскаго землевладѣльца были сыновья въ Петербургѣ и въ Москвѣ, занимавшіе высокое служебное положеніе, люди очень обезпеченные и люди достойные высокаго уваженія уже по одному тому, что они со вниманіемъ и съ заботливостію относились къ своему отцу.

Его небольшое домашнее хозяйство вела его экономка, бойкая Марфа Ивановна, но средства для этого хозяйства доставлялись ему сыновьями.

Они рѣдко бывали въ Провозовкѣ, но Иванъ Григорьевичъ ѣзжалъ иногда въ Петербургъ по анимамъ, и надо было удивляться какъ онъ рѣшался въ его годы на многодневное путешествіе на перекладныхъ до Москвы. Желѣзной дороги тогда еще не было... Изъ Петербурга онъ писалъ иногда длинныя письма моему отцу. Я зналъ сыновей Ивана Григорьевича.

Старшій, Александръ Ивановичъ, въ званіи камеръ-юнкера, долго занималъ должность агента нашего министерства финансовъ въ Парижѣ. Впослѣдствіи онъ былъ директоромъ департамента мануфактуръ и торговли (объ этомъ именно назначеніи и сообщалъ Позенъ моему отцу въ Полтавѣ въ 1858 г.). Ему принадлежитъ первое поли-

тико-экономическое сочиненіе на русскомъ языкѣ: „Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи“. Въ трехъ томахъ. С.-Пб., въ типографіи Собст. Е. И. В. Канцеляріи 1847. На это сочиненіе обратили вниманіе спеціалисты и свѣдующіе люди, и за Александромъ Ивановичемъ утвердилась репутація авторитетнаго чело-вѣка въ экономическихъ вопросахъ. По привычкамъ и по внѣшности онъ былъ чело-вѣкъ большого размаха и утон-ченной культуры.

Онъ говорилъ по французски какъ французъ, и былъ очень чутокъ ко всему вульгарному, пошлому и мелоч-ному. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Шаховской. Позднѣе, мы съ женой пользовались а-накомствомъ его дочери, гра-фини Александры Александровны Толстой, и искренно со-жалѣли о равновременной кончинѣ этой любезной, обяза-тельной и высокообразованной женщины. У нея въ домѣ, благодаря ея особенному къ намъ вниманію, мы имѣли случай познакомиться со всеми представителями рода Бу-товскихъ, находившимися въ Петроградѣ.

Второй, Викторъ Ивановичъ былъ директоромъ Строго-новскаго училища живописи и ваянія въ Москвѣ, и имѣлъ придворное званіе егермейстера.

Въ 1868 г., на пути въ Петроградъ изъ Кременчугскаго уѣзда, гдѣ я былъ прикомандированъ къ мировому съѣзду, я нарочно остановился въ Москвѣ, чтобы побывать у Вик-тора Ивановича; этого хотѣлъ Иванъ Григорьевичъ.

Я познакомился тамъ съ тремя прелестными его до-черьми, совсемъ еще молодыми дѣвицами, изъ которыхъ одна, Александра Викторовна, вышла потомъ замужъ за Евгенія Васильевича Богдановича, тогда гвардейскаго стрѣлковаго офицера, а впослѣдствіи извѣстнаго обществен-наго дѣятеля.

Самъ Викторъ Ивановичъ былъ милый, обходительный чело-вѣкъ. По его указаніямъ и по собраннымъ имъ мате-ріаламъ, Віоле-де-Дюкъ написалъ свою извѣстную исторію русскаго искусства.

Гораздо уже позднѣе мы съ женою познакомились съ Богдановичами, и Александра Викторовна относилась къ намъ съ истинно родственнымъ расположеніемъ.

Она умерла осенью 1914 г., черезъ два мѣсяца послѣ смерти своего мужа. Меньшиковъ посвятилъ ей теплыя строки въ „Письмахъ къ Ближнимъ“. „Она заслуживаетъ, — говоритъ онъ, — долговременной памяти не только тѣхъ,

кто зналъ ее и находилъ радость въ общеніи съ нею, но и всего русскаго общества, хотя она и не пользовавалась при жизни ея сколько нибудь широкою извѣстностью. Очень извѣстенъ былъ мужъ ея, „генераль Богдановичъ“, 85 лѣтній слѣпой старецъ, бардъ самодержавія и православія, всего три мѣсяца назадъ скончавшійся. Онъ достаточно въ свое время гремѣлъ и до болѣзненности интересовался своей славой; она же, кроткая старушка, его жена, все время оставалась въ тѣни, служа ему всѣмъ, чѣмъ можетъ служить глубоко любящая женщина. Она была личнымъ секретаремъ, его судѣлкой, переписчицей особо-важныхъ бумагъ, чтицей, собесѣдницей, громоотводомъ для старческихъ вспышекъ, а, главное — ближайшимъ къ нему роднымъ сердцемъ, до конца жалостливымъ и самоотверженнымъ. Александра Викторовна скончалась 68 лѣтъ. Въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій она была душою крайне гостепріимнаго дома, гдѣ ежедневно съѣзжались къ завтраку и обѣду „гости“ — изъ провинціи и изъ Петрограда. Едва ли это былъ слишкомъ широкій кругъ, но согласитесь, что уже одна сотня знакомыхъ, считающихъ долгомъ позавтракать у васъ или пообѣдать раза два въ мѣсяць, въ состояніи озадачить хозяйку дома, а у Богдановичей была не одна сотня знакомыхъ, и особенно желанными гостями были, конечно, люди ихъ круга — министры, товарищи министровъ, губернаторы, губерскіе предводители дворянства, генералъ-адъютанты, митрополиты и архіереи... „Для сколько нибудь черствой и привередливой свѣтской старухи ея роль показалась бы каторжной, и такая старуха раногнала бы своихъ гостей, перессорила бы ихъ, а не соединила. Вѣдь какой соблазнъ при стекающихся со всѣхъ сторонъ интимныхъ вѣстяхъ, при непрерывной и живой хроникѣ столицы и Россіи, при разговорахъ на скандальныя темы дня, какой соблазнъ, говорю я, посплетничать, вмѣшать свое женское любопытство и проявить печальный у многихъ женщинъ даръ фантазіи. Отъ Александры Викторовны вы не могли услышать ничего, напоминающаго сплетню. Я не помню ни одного сколько-нибудь рѣзкаго, ни одного озлобленнаго отзыва ея ни о комъ. Отрицательное было какъ будто несвойственно ея мозгу и языку. Не знаю, какъ для другихъ гостей Богдановичей, но меня лично особенно плѣняло у нихъ наблюдать эту чудесную и милую старушку... Въ живомъ образѣ А. В. Богдановичъ, рожденной Бутовской, я наслаждался созерцаніемъ нашей старинной

дворянской культуры, того хорошаго тона, той истинно хорошей воспитанности, которая сквозить во всемъ у тѣхъ счастливицевъ, которые въ свое время ее получили“...

Третій, Леонидъ Ивановичъ, былъ ученикомъ второго выпуска изъ школы Правовѣдѣнія. Почти всю свою жизнь онъ занималъ должность правителя дѣлъ въ Смольномъ институтѣ. Онъ тоже посвящалъ свои досуги литературѣ и оставилъ квижку патристическихъ и религіозныхъ стихотвореній, писанныхъ на разные случаи. Онъ умеръ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія; сынъ его Дмитрій Леонидовичъ скончался не въ очень еще большомъ возрастѣ, въ 1914 г.

Четвертый, Юлій Ивановичъ, былъ горнымъ инженеромъ, и въ молодыхъ чинахъ служилъ на золотыхъ пріискахъ въ Сибири. Впослѣдствіи онъ состоялъ при Технологическомъ институтѣ, и оставался въ этомъ заведеніи и по его преобразованіи. Мы были знакомы съ его супругою Юлією Ивановною, урожденною Массонъ, и съ его дочерью Вѣрою Юльевою.

Было и еще два сына у Ивана Григорьевича: Аркадій Ивановичъ и Платонъ Ивановичъ.

Аркадій Ивановичъ былъ способный и остроумный человекъ. Онъ написалъ маленькіе рассказы изъ Русской исторіи для дѣтей; но безпорядочная и разгульная жизнь преждевременно свела его въ могилу.

Платонъ Ивановичъ погибъ жертвой несчастной случайности: ломовикъ, выѣзжая изъ воротъ дома, ударилъ его оглоблей въ високъ и онъ умеръ на мѣстѣ.

Дочь Ивана Григорьевича, Елену Ивановну, я видѣлъ раза два у ея братьевъ, и помню ее какъ энергичную и очень добродушную пожилую даму. Она была замужемъ за Тимковскимъ. Говорили, что онъ былъ замѣшанъ, въ дѣлѣ Петрашевскаго, долго жилъ въ Сибири и былъ помилованъ только съ воцареніемъ Александра II. Жена была все время приемъ. Онъ былъ извѣстенъ въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ какъ переводчикъ Кальдерона. Я видѣлъ его всего одинъ разъ. Они жили по Загородному проспекту, въ домѣ, принадлежащемъ Технологическому институту; верхній этажъ занималъ Александръ Ивановичъ, средний—Юлій Ивановичъ, а въ нижнемъ жили Тимковскіе.

У насъ въ Пелеховщинѣ всѣ сердечно любили Ивана Григорьевича, и взрослые и дѣти. Его пріѣздъ былъ для насъ праздникомъ, и онъ не рѣдко бывалъ у насъ во вся-

кое время года. Прѣзжалъ онъ обыкновенно къ вечеру и гостилъ дня по два, по три.

Отношенія его къ моему отцу были самыя теплыя, искреннія и дружескія, и отецъ мой платилъ ему тѣмъ же. Всегда былъ у нихъ интересный, животрепещущій предметъ разговора. Обсуждались и хозяйственныя, и сосѣдскія, и общественныя и политическія дѣла. Послѣднія газетныя извѣстія узнавали мы часто только отъ Ивана Григорьевича, такъ какъ онъ получалъ больше газетъ, чѣмъ мы. Во взглядахъ своихъ они однако не всегда сходились. Иванъ Григорьевичъ былъ убѣжденный поклонникъ Александровской эпохи; онъ прежилъ лучшіе свои годы въ эту эпоху и смотрѣлъ на нее какъ на невозвратно отошедшее золотое прошлое; это и высказалось въ такихъ его статьяхъ какъ „Александровская колонна“, Воспоминанія о 1805 г., о Тильзитѣ и пр. Александръ I былъ его идеаломъ, предметомъ его поклоненія; самое имя „Александръ“ онъ произносилъ съ какой-то умиленной интонаціей. Отецъ мой былъ человѣкъ новаго времени, и естественно, что иногда ему приходилось высказывать мысли несогласныя съ убѣжденіями его собесѣдника и настаивать на справедливости своихъ мнѣній. Это раздражало Ивана Григорьевича; повышеннымъ тономъ, въ формѣ выговора, онъ говорилъ отцу, что юношамъ рано еще имѣть свои сужденія по важнымъ вопросамъ.

— „Помилуйте дядюшка, какой же я юноша,—со смѣхомъ говорилъ мой отецъ, — мнѣ вѣдь уже давно минуло сорокъ“...

— „Сорокъ!—возражалъ съ какимъ-то комическимъ раздраженіемъ Иванъ Григорьевичъ. — сорокъ лѣтъ назадъ я уже служилъ моему незабвенному государю на поляхъ битвъ и больше могу понимать въ этихъ дѣлахъ, чѣмъ люди новаго поколѣвія“.

Послѣ такихъ размолвокъ они становились какъ будто еще болѣе близкими друзьями.

Иванъ Григорьевичъ живо интересовался работами отца по крестьянскому вопросу. Часто и много говорили они о немъ. Сначала онъ приходилъ въ живѣйшее раздраженіе, замѣчая, что „юноша“ не крѣпко держится сословныхъ интересовъ; наконецъ, послѣ многихъ толковъ, онъ вошелъ въ идеи отца, участливо выслушивалъ его мнѣнія, становился даже иногда на еще болѣе современную точку зрѣнія, и въ заключеніе написалъ свой собственный проектъ

объ освобожденіи крестьянъ, который и передалъ моему отцу въ надеждѣ, какъ онъ говорилъ, что въ немъ найдутся нѣкоторыя полезныя указанія.

Отецъ мой съ удивленіемъ говорилъ, что Иванъ Григорьевичъ въ этомъ проектѣ обнаружилъ такой широкій и гуманнѣйшій взглядъ на крестьянскій вопросъ, какого не всегда можно было встрѣтить даже у передовыхъ дѣятелей по этому вопросу.

Я сказалъ уже, что отецъ мой умѣлъ расположить Ивана Григорьевича къ воспоминаніямъ и къ разсказамъ. Воспоминанія эти относились главнымъ образомъ къ эпохѣ обожаемаго имъ императора. Въ нихъ не было ничего связаннаго, послѣдовательнаго, все это были эпизоды, но въ нихъ было много интереснаго и иногда неожиданнаго.

Мы, дѣти, любили эти воспоминанія, да и было чего послушать.

Въ 1805 г., въ Браунау, онъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ дней безсмѣннымъ ординарцемъ у Кутузова; онъ описывалъ намъ его наружность, его нравъ, его спокойное и умѣлое обращеніе съ солдатами. Прямо скажу, слушая Ивана Григорьевича, мы какъ бы предвкушали того маститаго и мудраго Кутузова, котораго далъ намъ Л. Толстой въ „Войнѣ и Мирѣ“. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ своего начальника дивизіи Дохтурова, онъ близко видѣлъ тогдашняго дежурнаго генерала, заслужившаго впоследствии почетную извѣстность Инзова, онъ часто видѣлъ Милорадовича... Онъ увлекательно разсказывалъ намъ о тогдашнихъ военныхъ порядкахъ, о тѣхъ тягостяхъ, которыя доставляли солдату тогдашняя форма обмундированія, пудра, косы, лосиные панталоны; о сраженіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе... о походныхъ случайностяхъ, о нравахъ жителей въ чужихъ краяхъ. На него, какъ на молодого и бойкаго человѣка, часто обращали вниманіе высшіе чины въ арміи, и онъ ничего этого не забылъ; онъ тогда уже велъ свой дневникъ. Въ 1807 г. онъ бывалъ ординарцемъ у Багратиона. Онъ часто видѣлъ Платова и говорилъ съ нимъ, близко видѣлъ Беннигсена, разсказывалъ о Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи какъ участникъ и, наконецъ, въ Тильзитѣ онъ не разъ видѣлъ обоихъ императоровъ. Онъ много разсказывалъ о Наполеонѣ, описывалъ его наружность, костюмъ, его манеры, выраженіе его лица. Въ его представленіи Наполеонъ, хотя и былъ фигурою своеобразною, замѣтною, но много терялъ по сравненію съ

прирожденнымъ величіемъ и чарующими манерами Александра I.

Ояъ ясно помнилъ Тильзитское свиданіе и не разъ говорилъ, что Денисъ Давыдовъ не совсѣмъ вѣрно описалъ его обстановку. Это обстоятельство и побудило его написать статью о Тильзитѣ, которую онъ помѣстилъ въ Русскомъ Инвалидѣ.

— „Вы, слѣдовательно, видѣли и королеву Луизу?“ — спросилъ какъ-то мой отецъ.

— „Видѣлъ?!—какъ бы обиженно восклицаетъ Иванъ Григорьевичъ,—да я танцевалъ съ нею и не разъ...“

— „Танцевали?“

— „Да поймите же вы, я былъ едва ли не единственнымъ изъ моихъ молодыхъ сослуживцевъ, свободно говорившій по французски и знавшій всѣ тогдашніе свѣтскіе танцы; меня въ Тильзитѣ не приглашали, а наряжали на всѣ официальные собранія, и вотъ, балъ начинался обыкновенно полонезомъ; въ первой фигурѣ, въ кругѣ, кавалеры мѣняютъ своихъ дамъ; естественно, что когда до меня доходила очередь, я обязанъ былъ предлагать руку приближавшейся ко мнѣ королевы и дѣлать съ нею нѣсколько шаговъ до слѣдующаго сигнала дирижера... Да,—вздыхалъ онъ,—нашъ несравненный императоръ былъ тогда видимо увлеченъ этою нѣмецкою волшебницей“...

Не могу забыть одного забавнаго и трогательнаго случая: какъ-то вечеромъ, уже въ 60-хъ годахъ, сестра моя Ольга Дмитриевна, превосходная пианистка, заиграла мазурку.—„Въ ваше время, дядюшка, мазурки еще не танцевали?“—спросилъ мой отецъ.

— „Какъ не танцевали? мы увлекались мазуркой, выдѣлывали такіе звучные голубцы, какихъ молодежь не умѣетъ теперь уже дѣлать... Въ мое время мы танцевали ее съ особенными притоптываніями“...

— „Я танцевалъ ее въ Польшѣ,—замѣтилъ мой отецъ,—и въ тридцатыхъ годахъ мы танцевали ее совсѣмъ беззвучно, мы дѣлали приблизительно такіе па...“,—и онъ показалъ примѣрно основные шаги мазурки.

— „Да развѣ это мазурка?!—вскинулся Иванъ Григорьевичъ,—мы въ наше время вотъ какъ ее танцевали!“—и онъ лихо сдѣлалъ нѣсколько бойкихъ шаговъ,—а такъ, какъ вы, у насъ танцевали только дамы. Дайте сюда вашу руку!“

И эта пара, въ которой одному было 76, а другому 55 лѣтъ, лихо сдѣлала туръ мазурки вокругъ залы. Мама съ умилениемъ смотрѣла на эту сцену и сказала:

— „Господи, если бы мои дѣти, доживъ до такого возраста были въ состояніи такъ весело и съ такимъ увлеченіемъ танцовать мазурку...“

Но и для дѣловыхъ бесѣдъ, и для воспоминаній, было свое время; выпадали и такіе часы, когда и старые и малые занимались бездѣльемъ. Длинными зимними вечерами, между чаемъ и ужиномъ, и Иванъ Григорьевичъ, и наши родители, и всѣ мы дѣти садились играть въ мельника. Старику это доставляло видимое удовольствіе, и мы, дѣти, съ величайшею охотою садились играть съ Иваномъ Григорьевичемъ. Онъ игралъ съ большимъ благодушіемъ, но иногда вдругъ всныживалъ, когда кто-нибудь изъ насъ, особенно изъ младшихъ, Коля или Евгений, клалъ ему младшую карту на его выходъ, или принималъ изъ общей кучи такую карту, которую онъ готовъ былъ покрыть.— „У—у варваръ!“—вскрикивалъ онъ, косясь на партнера. Всѣ мы отъ души смѣялись, смѣялся и онъ самъ; но иногда и онъ умѣлъ во время принять карту, чтобы поставить въ затрудненіе своего сосѣда.

Эти семейные вечера видимо привязывали его къ нашей семьѣ... У меня сохранилось такое письмо этого когда-то очень близкаго намъ человѣка:

„Посылаю газеты другу Дмитрію Петровичу,—Надеждѣ Степановнѣ лимонъ, Ольгѣ Дмитриевнѣ апельсинъ, Машѣ, моей фавориткѣ апельсинъ и двумъ молодцамъ тоже апельсинъ“.

„До пріятнаго свиданія—Ив. Бутовскій“.

22 апрѣля 1861. Пронозовка.

Онъ сошелся также и съ моимъ дядею Алексѣемъ Степановичемъ и не разъ бывалъ съ нами въ Пятигорцахъ.

Чтобы дать читателю полное представленіе объ Иванѣ Григорьевичѣ, я долженъ указать, что онъ былъ человѣкъ очень твердыхъ религіозныхъ убѣжденій, которыхъ онъ не высказывалъ и никому не навязывалъ, но которыя сами собой обнаруживались, когда рѣчь заходила о предметахъ вѣры. Въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ онъ былъ неуклонно твердъ. Была у него также и рѣдкая внутренняя чистота побужденій и мыслей. Я помню что онъ брезгливо откладывалъ книги, въ которыхъ ему попадались слишкомъ свободныя сужденія о серьезныхъ предметахъ или что вибудь

безнравственное и циническое. Онъ не любилъ Сервантеса, опошлившаго рыцарскую доблесть, бросилъ какъ-то романъ Фридерика Сулье, за то, что тамъ отведено слишкомъ большое мѣсто дѣволу.

Не найдя у своего пронозовскаго духовника тѣхъ пастырскихъ качествъ, которыя должны украшать священнослужителя, онъ сталъ ѣздить въ церковь въ Кирьяковку и говѣть у нашего отца Кирилла, верста за 10 отъ Пронозовки.

Вспоминается мнѣ чудная апрѣльская ночь, когда сговорившись съ Иваномъ Григорьевичемъ, мы съѣхались у нашего священника въ страстную субботу и, отстоявъ вмѣстѣ съ нимъ заутреню и обѣдню, вмѣстѣ возвратились къ намъ на семейныя разговѣны.

Старикъ чувствовалъ себя въ такомъ же праздничномъ подъемѣ и такъ же весело привѣтствовалъ воскресную зарю, какъ и мы дѣти.

Онъ умеръ въ 1870 г. 83 лѣтъ отъ роду.

И видѣлъ его послѣдній разъ за годъ до его смерти, въ Петербургѣ, въ квартирѣ Юлія Ивановича. Онъ былъ бодръ, но почти ничего не видѣлъ. Сыновья упрашивали его остаться въ Петербургѣ, но ему не хотѣлось разстаться со своимъ домикомъ въ Пронозовкѣ... Наша мама посѣщала его, слабаго уже и слѣплого, приводила въ порядокъ его домашнее хозяйство и проводила его до послѣдняго жилища...

Въ заключеніе хочу припомнить о нѣсколькихъ счастливыхъ мѣсяцахъ, проведенныхъ мною въ Пелеховщинѣ, по окончаніи термина моего прикомандированія къ Петровскому Полтавскому кадетскому корпусу.

По обнародованіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ, въ виду огромной потребности въ свѣдущихъ землеѣбрахъ, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на прикомандированіе къ мировымъ съѣздамъ, въ качествѣ землеѣровъ, молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, прошедшихъ въ кадетскихъ корпусахъ курсъ дополнительнаго, 3-го спеціальнаго класса. По желанію отца я прикомандировался къ мировому съѣзду Кременчугскаго уѣзда, и работалъ съ 1 августа 1861 до конца февраля 1863 года въ 3-мъ мировомъ участкѣ, гдѣ посредникомъ былъ сначала Андрей Леонтьевичъ Пестржецкій, а по его уходѣ, въ 1862 г., мой отецъ.

Вспоминаю съ особевнымъ удовольствіемъ это мое почти

чернорабочее время, оно надолго дало мнѣ запасъ физической и духовной бодрости, и именно оно укрѣпило во мнѣ мою какую-то почти стихійную любовь къ нашей родной степи. По роду моихъ занятій я жилъ въ этой степи, на воздухѣ, во всѣ времена года, я видѣлъ ее во всѣхъ ея нарядахъ, я сроднился съ ея манящею безконечностью и долго потомъ скучалъ по ней, оторванный отъ дому моею дальнѣйшею службою. Въ это время и въ нашей семьѣ чувствовалось какое-то повышенное настроеніе. Отецъ съ понятнымъ подъемомъ работалъ какъ мировой посредникъ; онъ практически приводилъ въ исполненіе то дѣло, надъ которымъ такъ много думалъ и трудился въ губерскомъ комитетѣ... Къ этому времени окончила Полтавскій институтъ моя дорогая сестра Ольга Дмитріевна; она окончила его съ шифромъ, и возвращеніе ея домой внесло въ нашу среду тотъ элементъ свѣжести и мягкости, который составлялъ какъ бы сущность ея молодой и богато одаренной природы... Я сказалъ уже, она была превосходная пианистка; я тоже въ то время порядочно игралъ уже на флейтѣ, и какъ много наслажденія доставляли намъ тогдашнія модныя романтическія музыкальныя вещи и транскрипціи... Мы упивались въ то время мелодіями Беллини, Россини, Доницетти...

Когда для меня выпадали свободные дни, мы много гуляли и любили предпринимать поѣздки. Нѣсколько разъ за это время мы ѣздили вдвоемъ въ Пятигорцы. На полпути останавливались покормить лошадей, пообѣдать, а то и переночевать въ хуторѣ Сотницкомъ, внизу около ракитъ, у доброй нашей знакомой Маріи Лукивишны Баучевской. Дочь ея была подругой моей сестры по институту. Иногда мы заставляли тутъ ея ближайшихъ сосѣдей Козинцевъ и Анну Петровну Чудинову съ дѣтьми, и весело проводили вечеръ въ танцахъ и играхъ. Но о поѣздкахъ пріятнѣе иногда вспоминать, чѣмъ совершать ихъ на самомъ дѣлѣ. Былъ съ нами однажды такой случай: время было подъ масляницу, стояла снѣжная зима; выѣхали мы изъ дому въ открытыхъ парныхъ саняхъ, кажется, въ-время, казалось, не слишкомъ долго просидѣли на обѣдомъ въ Сотницкомъ, но едва мы проѣхали Лукомье, начало смеркаться и повалилъ густой, тяжелый, влажный снѣгъ; стало совсѣмъ темно; замѣчаемъ, что ѣдемъ не по дорогѣ, и вдругъ лошади внезапно останавливаются... Что такое? Кучеръ Тарасъ и лакей Иванъ докладываютъ намъ, что мы стоимъ не то

надъ провальемъ, не то надъ крутымъ спускомъ куда то внизъ, но куда? Богъ его знаетъ... Постояли въ нерѣшительности, стади гадать, какъ мы будемъ проводить ночь, не будемъ ли мы засыпаны снѣгомъ. Назадъ до Лукомья, верстъ на десять вѣтъ никакого жилья, есть только дѣсистые овраги, въ которыхъ водятся волки. Какъ вдругъ внизу, гдѣ-то очень далеко послышался собачій лай... Рѣшили, что Ивану надо найти спускъ, разузнать, гдѣ мы находимся, и, если можно, привести проводника. Приказали Ивану при возвращеніи подавать громкіе отклики, чтобы не потеряться. Ждали, ждали, вѣроятно часъ, другой... Наконецъ вдали послышался тонкій звучный голосъ Ивана; пришелъ и проводникъ. Оказалось, что мы стоимъ надъ провальемъ у Юсковецъ, верстахъ въ пяти въ сторону отъ Пятигорца, и что если бы наши лошади сдѣлали еще шага два, три, то мы лежали бы въ глубокомъ снѣгу на днѣ этого проваля.

Кончилось все это благополучно, но мы пріѣхали въ Пятигорцы уже послѣ полуночи и на другой день получили не то строгій, не то дружескій репримандъ отъ дяди Алексѣя Степановича.

На другой день, однако, онъ насъ по-родственному повезъ въ своей каретѣ въ Лубны, гдѣ мы танцовали и въ собраніи и у генеральши Бойко, а отпуская насъ домой, взялъ съ насъ слово, что мы переночуемъ въ Сотницкомъ и выѣдемъ на другой день не поздно, чтобы засвѣтло послѣтъ въ Целеховщину.

Въ началѣ марта 1863 г. я выѣхалъ изъ Целеховщины по вызову начальства л.-гв. Павловскаго полка, въ которомъ я тогда служилъ. 2-я гвардейская дивизія выступила въ то время изъ Петербурга въ Литву, и мнѣ приказано было немедленно явиться въ полкъ.

* . *

На этомъ я заканчиваю мои дѣтскія и юношескія воспоминанія о „Родномъ гнѣздѣ“. Много послѣдующихъ лѣтъ моей жизни я провелъ далеко отъ этого гнѣзда и только позднѣе, уже приближаясь къ старости, я снова сталъ проводить въ немъ спокойные и счастливые дни, напоминающіе мнѣ мою молодость. Я снова полюбилъ вашу степь, вашъ большой садъ, вашъ домъ, возобновленный и увеличенный заботами моей милой супруги, и нашу деревню, въ

которой есть теперь и школа, и столярная мастерская, и въ которой я вижу благосостояніе нашихъ сосѣдей крестьянъ. Всѣмъ этимъ наша деревня обязана тоже моеѣ дорогой Аннѣ Васильевнѣ, сердечно отзывающейся на всѣ матеріальныя и духовныя потребности мѣстнаго населенія. Когда-нибудь, если успѣю, я возвращусь еще къ этимъ хорошимъ днямъ второй половины моеѣ жизни.

* * *

Посвящаю эту часть моихъ воспоминаній дѣтямъ любезныхъ моихъ братьевъ и сестеръ: Ольги Дмитріевны, Николая Дмитріевича и покойныхъ Евгенія Дмитріевича и Маріи Дмитріевны.

Буду думать, что сдѣлалъ свое дѣло, если эти воспоминанія пробудятъ въ нихъ интересъ къ старымъ судьбамъ нашего рода. Пытаю надежду, что кто-нибудь изъ нихъ или изъ ихъ потомковъ продолжитъ эту хронику и передастъ ее въ свою очередь послѣдующимъ поколѣніямъ.

Знаніе судебъ своего рода—великое знаніе; въ немъ и удовлетвореніе и надежда:

„Когда-нибудь и обо мнѣ вспомнятъ мои потомки“...

А. Д. Бутовскій.

